

Сильва
Капутикян

ИДЕТ
ЗИМА

ACADEMIA

Արմեն Կարամանյան

Сильва
Капутикян
ИДЕТ
ЗИМА

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОЭМА

переводы

Е. Николаевской, В. Корнилова, А. Налбандяна
с предисловием
Валентина Оскоцкого

«ACADEMIA»
МОСКВА
MCMXCIV

**ББК 84 Ар7
К 20**

**Оформление
К.Ш.БАЛАСАНОВОЙ**

**РЕДАКЦИЯ ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОЧАЙШУЮ
ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
СПОНСОРУ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ
ПРЕЗИДЕНТУ ФИРМЫ “ИМПЕРИАЛ”
АРКАДИЮ АРШАВИРОВИЧУ ВАРТАНЯНУ**

© В.Корнилов, перевод, 1994
© А.Налбандян, перевод, 1994
© Е.Николаевская, перевод, 1994
© Издательство “ACADEMIA”,
состав, оформление, 1994

ISBN 5-87532-125-3

СВЕЧА ГОРЕЛА НА СТОЛЕ...

Завершая свой юбилейный творческий вечер в Москве заключительным словом, Сильва Капутикян призналась: последние годы, прожитые ею под знаком Спитака и Сумгаита, блокады Армении и войны в Нагорном Карабахе, она не может назвать иначе, как только временем новых страданий. "Они, эти годы, словно в погоне один за другим, прошли, пролетели, до боли схожие, занесенные пылью и дымом разрушенных надежд и разрушенной страны".

Но, не будучи счастливыми, эти тяжкие годы не были для поэта временем отшельнического молчания, творческого бесплодия. Неподкупно совестливая, граждански мужественная муза плача и печали, скорби и гнева не смолкала и под разрывами бомб, сброшенных на армянский Кафан, снарядов, прицельно обрушенных на карабахский Степанакерт. Свидетельством тому стихи 80-90-х годов, в большинстве своем составившие эту новую книгу, и датированная тем же рубежом десятилетий поэма "Диалог между мной и мной".

Поэма завершает книгу. А открывают ее акварельные строки о зиме, грозящей замести снегом даже человеческую память. Они тот камертон, на который настроены ведущие, ключевые мотивы. Разрастаясь и укрупняясь по мере нестесненного самодвижения поэтической мысли,

этот “зимний” настрой получает в поэме мощное двуголосое звучание, цементирующее нерасторжимое сплетение вечного и временного, седой древности и дня нынешнего. Тысячелетней истории, освященной образом распятого Христа, легендарными фигурами Давида Сасунского и Мгера Младшего, живым присутствием Григора Нарекаци. И современности, трагедийные реалии которой - “чудовищная рана” земной коры, разверстая “от Ширака до Спитака”, бездна сумгаитской преисподней, где пляшут, безумствуя, “тени дантовского ада”, как наяву сошедшие с книжных страниц: “Те призраки, погрязшие в грехах, Плоть обрели Сейчас, в конце двадцатого столетия - Нет, не в котлах с кипящею смолой - Сжигают в пламени автопокрышек. И на костре - не грешный кардинал: Усталый армянин, что шел с работы. У матери несчастной на глазах Дочь волокут насильники лихие... И надругаться над женой спешат У тела изувеченного мужа. А после гонят с воплями нагую От чайханы к мечети И назад - Под свист и улюлюканье толпы...” (пер. Е. Николаевской).

Воистину до библейских масштабов подняты трагедии армянского народа, непрерывной чередой идущие из века в век к “агонии Пятнадцатого года” и дальше через “семь десятков лет”, ставших подобием решетки, через которую взирали друг на друга Армения и Арцах, насильственно разлученные, словно мать с сыном: “В темнице - сын, а мать у стен ее: И даже не разрешено свиданье...” Не об этом ли неумолчно звенят - “зовут-гудят” - колокола Гандзасара? В поэме он назван арцахским маяком, чьи стены “от основания До купола, до неба самого - Пергамента окаменевший лист: За буквой буква - Армянскими покрыты письмена. Для новых надписей там места нет”.

Этому колокольному звону, этим каменным письмам и должно быть сродни слово поэта, достойное того, чтобы повторить в лад монастырским колоколам: “Я - ис-

тина". Иначе не дано будет ему "мрак светом победить - творить извечно свет!" То есть неустанно вершить то и так, в чем видит, как понимает Сильва Капутикян смысл творчества, предназначение искусства. И, сама одержимая их высоким смыслом и предназначением, не мыслит для себя иного бытия, как только в слове.

"Не запятнай же чистоты, Куда бы ты ни правил путь. И если мать забудешь ты - Армянской речи не забудь" (пер. В.Звягинцевой), - иступленно звала она в давнем - 1944 год - стихотворении. С ним явственно перекликаются стихи 70-90-х годов, где гамлетовское "быть или не быть?" оборачивается другим вопросом, таким же неотступным: "Так что ж нам делать? Снести жестокость рока Или меч Обрушить на предательство и горе?" (пер. В.Корнилова). Один из ответов впрямую обращен к поэту Армении: "... что бы ни случилось, Пускай в бою падет последний воин, Не усомнись в бессмертии народа, Не забывай - ты не имеешь права!" (пер. Е.Николаевской). Раньше и прежде всего это призыв к себе самой, истово убежденной: "Не только в бою от меча проливается кровь, - кипящая в жилах, она превращается в слово".

Вдохновенное слово Сильвы Капутикян вплотную приближает нас краски армянского пейзажа и мелодии народных песен, оживляет древние легенды и дает внятную речь черным камням монастырей и храмов. Как в марсельском памятнике жертвам геноцида, в нем и "отзвук огромного горя", и "искра пожаров больших" (пер. А.Налбандяна). А сопрягая трагедии, переживаемые сегодня, на исходе XX века, с многовековым ходом истории, оно подобно антеннам, которые, как сказано в стихотворении, посвященном памяти Гарсии Лорки, "принимают и передают голоса из прошлого в будущее". Стоит поэтому сорваться поэтическому голосу, как неминуемо "нарушится связь времен!" (пер. В.Корнилова). Еще бы: "Чтоб ныне настоящее творить, Грядущее мне светом стать

должно. Былое обретает смысл, когда Грядущее в былом зарождено. Иначе - для чего терпеть, страдать?..” (пер. Е. Николаевской).

Вопрос тем паче не праздный, что душа поэта действительно переполнена страданием. Она тоскует “по горе той далекой, святой”, как и озеро Ван, ставшей знаком армянского сиротства. Даже вблизи “источников щедрых” ей недостает “капли воды родниковой” и “просвирки простой” - возле “амбаров, наполненных сытным зерном”. На зыбкой грани кошмаров сна и жестокой яви она различает в буйстве волн - куда б ни шло, привидевшаяся морская пучина, так нет: прозрачная символика житейских драм! - отчаянный крик беспомощного младенца, которого хотела, да “не могла спасти”. В другом стихотворении рыдания обездоленного мальчика воспринимаются как плач собственного внука. Чуткая душа поэта скорбит над “чужой” смертью, в которой слышит укор себе, и по доброй воле принимает на себя бремя вины за каждого, кто не устоял в бурях времени: “Мне чудится: я виновата - Нарушила договор с Богом, И кто-то за это страдает” (пер. В. Корнилова).

Такая отзывчивость на беду и боль, душевная готовность к сопереживанию, состраданию - первооснова мировосприятия, жизнеутверждения, которые присущи Сильве Капутикян, органичны ее творчеству. “Моя тропка на дорогах мира” - недаром именно так назвала она последнюю книгу прозы о памятных путевых встречах на ближних и дальних меридианах. Ее тропке не дано зарости, ибо пролегает она не только от города к городу, но от сердца к сердцу, не просто из страны в страну, а от народа к народу. И, как убедится читатель этих стихов, не минует ни осиротевшего дома Бориса Пастернака в Переделкине, ни не защищенных от общей народной беды гостеприимных домов украинских и белорусских друзей, над которыми нависла зловещая тень Чернобыля: “И в мою

армянскую печаль Влилась новая. Куда страшней, куда неукротимей. Схожая с безумием вулкана, А еще точнее - с тем же безумным атомом Из реактора слепого..."

... В январе этого года мне довелось побывать в блокадем Ереване. В Верховном Совете республики проходила встреча гостей из России и армянских писателей. Не только о бедствиях блокады и лишениях войны говорилось на ней, но и о положении национальных культур, равно теряющих на развале книгоиздательского дела, кризисе литературно-художественных журналов, резком сужении взаимных переводов. Ведь из всех "пространств", к сохранению которых в рамках СНГ зовут политики и экономисты, юристы и финансисты, даже спортсмены, духовное пространство культуры - самой насущное, жизненно необходимое. Ни одна национальная культура не может развиваться сколь-либо плодотворно, замыкаясь в границах "своего надела", без тесных, взаимопроникаемых связей с культурами других народов. Тем более - культуры России и Армении, чьи давние творческие связи, взаимное тяготение, притяжение друг к другу обрели непреходящее значение исторических традиций, глубоких и жизнестойких. Валерий Брюсов и Ованес Туманян, Анна Ахматова и Аветик Исаакян, Осип Мандельштам и Егише Чаренц, Василий Гроссман и Паруйр Севак, Андрей Битов и Грант Матевосян - нескончаем перечень достойных имен, символизирующих нерасторжимость русско-армянских культурных, литературных связей. В ряду первых и лучших мы по праву называем Сильву Капутикян, чью духовную сродненность с Россией, пожалуй, ярче всего подтверждают переводы ее стихов, принадлежащие перу талантливых русских поэтов.

Тем же стылым январским днем мы пришли в дом Сильвы Капутикян поздравить ее с 75-летием. Света не было. Тусклая свеча выхватывала из темноты лица друзей, сидевших за столом, но в колеблющемся ее лепестке ощу-

тимей становились блокадные беды Еревана, слышнее артиллерийские залпы, пулеметные и автоматные очереди в Нагорном Карабахе. И вспоминалась негасимая пастернаковская свеча, упрямо горевшая на столе под бешеным напором мировых стихий.

Впрочем, такую аналогию подсказала сама Сильва Капутикян строками стихотворения, обращенного к собственной душе: “Фитилем для свечи все мечтанья скрутив, ты должна все гореть, и гореть, и гореть” (пер. Е.Николаевской).

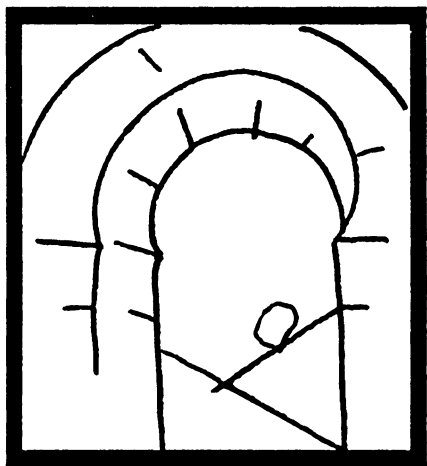
Пусть же горит, не уставая, эта свеча. И пусть ее животворный свет проникает в сознание и сердца читателей...

Валентин ОСКОЦКИЙ

* * *

*Надень пальто: весна твоя
Прошла давно - идет зима.
Ты память затвори, как дверь,
Закрой окно - идет зима.
Нет времени, не возражай
Глупцам... Спасай свой урожай,
Иначе снегом будет все
Занесено - идет зима.*

1982

ВСЕ О ТЕБЕ
ВЕДУ Я РЕЧЬ

* * *

Смеюсь ли, плачу - все равно
Нет мне спасенья от тебя!
Хвалю, клянусь - давным-давно
Нет мне спасенья от тебя.
И так всю жизнь, так всякий миг
Все о тебе веду я речь.
И, уходя, пойму одно:
Нет мне спасенья от тебя.

1981

* * *

Ты не потому ли так мал, Айастан,
Чтоб полностью в наших сердцах
раствориться?..
Спасенным листком манускрипта ты стал,
Из книги сожженной - спасенной
страницей, -
Чтоб горстку земли твоей, как талисман,
Мы вечно у самого сердца носили,
Чтоб именем мы очищались твоим,
От лжи, пред которой бессильны границы.

1981

*** * ***

**К тебе с огнем явились и с мечом,
У букв своих ты набирался сил.
Не жизнь и не имущество свое -
Из пламени ты книги выносил.
Мир пред Богом жестоко виноват,
В грехе погряз он с головы до пят.
Устами своего Нарекаци
Ты отпущения грехов просил.**

1981

* * *

Чтобы выстоять, ты письма
Полные живого жара создал.
Близ Масиса¹ ты в душе своей
Своего Масиса чары создал.
Камня было больше, чем земли,
Смерти было больше, чем камней...
Чтобы смерть и камень одолеть,
Ты бессмертные хачкары создал.

1981

¹ Масис - народное название горы Арарат.

* * *

О душа, чтоб тебе не застыть, - по горе
Той далекой, святой ты должна тосковать.
У источников щедрых - по капле воды
Родниковой, живой ты должна тосковать.
Фитилем для свечи все мечтанья скрутив,
Ты должна все гореть, и гореть, и гореть.
У амбаров, наполненных сытным зерном,
По просвирке простой ты должна тосковать.

1982

* * *

С высот армянских крепостей
Всего лишь на ступень спуститься,
И в убеждениях своих
Всего лишь словом поступиться,
И, взяв святыя писмена,
Пожертвовать всего лишь буквой -
Взамен же получить весь мир?
Позвольте мне не согласиться!

1981

* * *

Как узнала бы я, что ты есть,
 Если б слово не слышала - "боль"...
Как бы чувство к тебе назвала,
 Если б не было слова - "любовь"...
Как узнала бы я, что во мне,
 И вблизи, и вдали - всюду ты,
Если б не было слова - "тоска",
 Что находит меня вновь и вновь.

1981

* * *

Одной рукой меня ласкаешь
И причиняешь боль другой:
В сердцах меня за чуб таскаешь
И тут же слезы льешь рекой...
Армения моя, о мама,
Взгляни, стремглав твое дитя
Бежит, чтоб выплакать обиду,
Лицом в подол уткнувшись твой.

1981

* * *

Белым камнем Арарат
На сердце твоём лежит,
От избытка слов - глухой,
Онемевший - от обид.
По миру разбросан ты,
Тяжким грузом угнетен...
Не дробится ли под ним
И души твоей гранит?

1981

* * *

Персты перстнями одаряешь,
Свой дар без боли отдаешь,
За благоденствием в погоне
Благую долю отдаешь.
И если силой разорили
Край и историю твою,
То дух твой и язык твой древний
По доброй воле отдаешь.

1981

* * *

Жаль, я не все смогла, что сделать я могла!

Тебе покаюсь я, не скрою, не солгу.

Как мало я дала, хоть отдала тебе

Все, что слагала я, что в сердце берегу.

О песнь, тебя народ с любовью и тоской

Столетиями творил - и созданное мной

Вовеки не сравнить с твоей строкой:

“Слезам я полна, а плакать не могу...”

1981

* * *

Далеко, далеко уйти,
В отдалении затосковать,
Заново тебя сотворить,
По творению затосковать.
Средь красивых чужих миров
Ты предстанешь, бедна, чиста.
Возвратиться, смириться, пасть
На колени - затосковать.

1984

ИЗ НАВЕЯННОГО МОВСЕСОМ ХОРЕНАЦИ¹

1

Куда мне уйти, чтоб не глядеть,
На Арарат не глядеть,
Чтоб мозг, и кровь, и сердце мое
Не изнывали впредь?
Идти в глубь веков, только в глубь и в глубь,
В первопричину зла,
До Гайка² и Бела дойти, спросить,
Но не ответят ведь...

2

Стать бы волкодавом³ Арарата,
Развязать спеленутую ярость,
Отыскать бы твой армянский пурпур,

¹ Мовсес Хоренаци - отец армянской историографии (416 - 490), автор замечательной книги "История Армении".

² Гайк - легендарный прародитель армян, боровшийся со злой силой, олицетворенной в облике Бела.

³ Согласно легенде, царь Артавазд (II в. до н. э.) упрекает отца, царя Арташеса, за то, что он, уйдя из жизни, унес с собой мир и благоденствие страны. По проклятию отца духи заковали его в цепи и навеки привязали к кручам Арарата. Хотя многочисленные волкодавы старались развязать оковы молодого царя, но кузнецы вновь и вновь приковывали их.

Краски, что навеки затерялись!
Бледен ты, и уязвлен, и ранен,
О какой пойти мне биться камень?
Я тебе Нарек¹ под изголовье
Положу, чтоб раны исцелились.

3

Осквернителя и врага
Усмирить кто горазд - нам нужен;
Наши души и наши тела
Кто встряхнет - тот как раз нам нужен;
Зря, наивные кузнецы,
Снова, снова куете цепи...
Сызнова разъярен на мир
И на нас, Артавазд нам нужен!

4

И я от счастья Сатеник² хотя бы треть желаю,
Невысказанных слов хочу, в любви гореть
желаю.
По волосам и по спине пусть жемчуга стекают,
Невестин пояс и парчу хоть раз надеть желаю.

¹ Нарек - в народе так называют великого поэта X века Григора Нарекаци, книги которого клали под подушку больного с надеждой на исцеление.

² Сатеник - аланская царевна (аланы - предки осетин). Арташес (II в. до н. э.), царь Великой Армении, увидев Сатеник, был так восхищен ее красотой, что похитил. Их свадьба красочно воспевается в песнях гусанов из Гохтна - местности, расположенной на территории нынешнего Нахичевана.

Правда ли я, нет - моя беда:

Вам знать того не надо.

Унижена или горда -

Вам знать того не надо.

Остаться б мне наедине

С самой собой и небом

Или уйти - зачем? Куда?..

Вам знать того не надо.

1981

* * *

Ты стисни зубы, только слез пред всеми
Не проливай - ты не имеешь права.
Пускай ты обескровлен, но оружия
Ты не сдавай - ты не имеешь права.
Поэт армянский, что бы ни случилось,
Пускай в бою падет последний воин,
Не усомнись в бессмертии народа,
Не забывай - ты не имеешь права!

1982

* * *

Озаренностью святою
 Не владела я, прости.
От мирского отказаться
 Не сумела я, прости.
Смертникам твоим подобно,
 Отрешившись от всего,
За тебя погибнуть - силы
 Не имела я, прости.

1981

* * *

Скажут “пятнадцатый” - год
В то же мгновение вспомню.
“Западный” скажут - и я
Сразу Армению вспомню.
Всякое слово во мне
Жизнью таинственной живо:
Скажут “сиротство” - и я
Ван свой в смятении вспомню...

1981

* * *

Твой хлеб - с просвирку,
А земля - с хачкар...
А боль твоя,
А мук бессильный жар,
А океан твоих обид -
Способны
Залить земной
Многострадальный шар.

1981

* * *

Пускай синевою фиалки горят,
А розам - сиянье останется,
Пускай над историей суд совершат,
Тогда с нами знание останется.
Зачем перекраивать и убивать
Гармонию почвы и дерева?
Березы на севере пусть шелестят,
А тополь наш с нами останется.

1982

* * *

Чтоб ныне настоящее творить,
Грядущее мне светом стать должно.
Былое обретает смысл, когда
Грядущее в былом зарождено.
Иначе - для чего терпеть, страдать,
Затем, чтоб долг грядущему отдать?!
К чему истоки мне искать свои,
Коли исчезнуть в море суждено?

1985

* * *

В душе своей, ношею долга согбенной,
Мне б точку опоры найти!
В сплошной толкотне мне бы прочную
пристань,
Пройдя сквозь затворы, найти.
Мне встретить бы мудрого старца из сказки,
Чтоб был Туманяну¹ сродни
И путь на распутье помог бы мне верный
Средь всякого вздора найти.

1984

¹ Туманян - Ованес Туманян (1869 - 1923) - классик армянской литературы.

* * *

В Армении моря не сыщешь -
Лишь горечь столетий осталась.
Моря отошли и исчезли,
Лишь камни на свете остались.
Мы бьемся, как рыбы на суше,
Барахтаясь и задыхаясь...
У моря, которого нету,
Лишь колья да сети остались.

1985

ПАМЯТИ УИЛЬЯМА САРОЯНА

Все твои мечты и думы - наши,
Речь твоя и письма - чужие.
Боль твоя, беда и горечь - наши,
Блеск твой, смех - твоя ль вина? - чужие.
Здесь мы... Смерть твоя - за океаном,
Как же нам добраться друг до друга?
И душа твоя и облик - наши,
Документы и страна - чужие.

1981

* * *

Надеждой распахали грудь твою,
А вот засеять к сроку позабыли.
И вскрыли клинописное ребро,
Расшифровать - что проку?! - позабыли.
Сказали, что ты новый Иисус,
Что пострадаешь за грехи людские,
И дали на кресте тебя распять,
А снять с креста пророка позабыли.

1985

* * *

Века и мир - свидетели тому:
Ты должен сам торить свои пути,
По скалам, по ущельям, по горам,
Карабкаясь и падая, идти...
И если будет путь твой прегражден,
То ты в священных поисках своих,
Дорогу вырубая в глыбах гор,
В скале Гегард¹ свой должен возвести.

1984

¹ Гегард - храм XIII века, высеченный в пещере.

* * *

Ты, ветер, без разума к морю несешь
Набухшую тучу - по неразумению!
Внизу - опаленные солнцем поля
И выжжены пастбища, сохнут селенья...
На что, ах, на что ему, морю, она -
Та горстка дождя, что из тучи прольется?..
Да разве же море сумеет понять
Воды самооценку и жажды томленье?

1983

* * *

Видит Бог, мне не песни отрада нужна
И не рана любви, не забава нужна,
Дайте мне и стране хоть немного вздохнуть,
А совсем не награда и слава нужна.

1984

НОЧЬ НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

За волной волна несется до моих дверей...
Знать бы, как сейчас живетя тетушке моей!

Спит прибрежный санаторий, наступила ночь.
Но бессонницы у моря мне не превозмочь.

Спит Стамбул, в самом Стамбуле дремлет
Панкалты,
Тетушке Арус не спится после темноты.

Между нами волны моря, скорбный вой волны...
Кем же на такое горе мы разделены?

Вяжет посреди заботы тетушка Арус.
Не вернется сын с работы, а сказал: вернусь...

Добавляет старой пряжи, новой жаль до слез...
Ванское в ней со стамбульским накрепко
сплелось.

Улица давно умолкла, и на сердце грусть,
И в тревоге одинока тетушка Арус.

Мне отсюда Дарданеллы и Босфор близки,
И средь пряжи затерялась нить моей тоски.

**За волной волна несется до моих дверей...
Знать бы, как сейчас живетя тетушке моей!**

1981

СОН

Запенилось ночное море, зарычало,
Уже от голода заглатывает скалы.

И среди волн, о Боже, в свистопляске
Кричит младенец по-армянски, по-армянски.

Как мне спасти его, как вытащить на сушу!
И сердце рвется из груди моей наружу,

Бегу и падаю, от ужаса немею,
И не могу позвать, и плавать не умею.

Кричит младенец, все еще кричит младенец...
Крик разбудил меня, уже заря зарделась

И не штормит, но помнит раненое сердце,
Что он кричал, что не могла спасти младенца...

1981

ЛУР-ДА-ЛУР¹

**Лур-да-лур и лур-да-лур - и в этом есть
Песня страсти, рана страсти, страсти весть.**

**Околдованы мелодией такой,
Поднимаемся по лестнице крутой.**

**Лур-да-лур и лур-да-лур - и в этом есть
Песня счастья, рана счастья, счастья весть.**

**А ступенька перебита пополам,
Неизвестно и известно это нам.**

**Лур-да-лур и лур-да-лур - и в этом есть
Песня грусти, рана грусти, грусти весть.**

**Кто разбил ступеньку, крадучись тайком,
Сознаем, наверно, и не сознаем.**

**Лур-да-лур и лур-да-лур - и в этом есть
Песня скорби, рана скорби, скорби весть.**

¹ Народная мелодия. По легенде, пастух влюбляется в дочь богатого бека и просит ее руки. Отец соглашается и, тайком разбив ступеньку, ставит условие: пастух должен своей игрой на свирели заставить отару подняться по крутой лестнице в гору.

Но встаем и вновь по лестнице идем,
Пропадем, а может, и не пропадем...

Лур-да-лур и лур-да-лур - и в этом есть
Наша песня, наша рана, наша весть...

1981

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ

Памяти далекого земляка

В Армении цветут, белея, абрикосы,
Но не зову тебя - явись и посмотри!..
Ты холоден и нем, исчерпаны вопросы...
С тобой - зима, зима. Снаружи и внутри.

Невестки, сыновья и внуки - все в печали,
Скорбят на языке чужой тебе земли.
Зачем они мольбе души твоей не вняли,
Хотя б одну сноху-армянку в дом ввели...

И Арарат, к стене прибитый у постели,
Осиротел навек, теряя с домом связь,
Бумаги все твои, все книги онемели,
Умолкли навсегда, как клинопись и вязь...

О, кто раскроет их? Прочтет хотя б записку?
Глухая тишина вокруг тебя висит...
И лишь сестра твоя, как на земле битлисской,
На языке твоём, прощаясь, голосит...

1981

МОЛОДОЙ МАТЕРИ

За язык и очаг
Ты веками умела бороться,
Жизнь и дух в них вдыхала,
Так зачем же сейчас, объясни,
Ты сама покидаешь
Обитель Месропа Маштоца
И дитя свое гонишь
В пожар этой белой резни?
Неужели язык, наш язык,
Из души твоей изгнан?
Ведь крещен твоим именем
И наречен материнским.

1981

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА В МАРСЕЛЕ

Средь адского шума и гама
Густой толчеи городской,
Под сенью армянского храма
Ютишься с сиротской тоской
Ты, отзвук огромного горя,
Ты, искра пожаров больших,
Один - среди серого моря
Домов и балконов чужих.
Зачем тебе к небу стремиться? -
Твои небеса далеки.
И кто подойдет и склонится
Над траурной вязью строки?
Кто вникнет в узор твой щербатый,
Бездонностью скорби влеком?
Кого, на асфальте распятый,
Распятым зовешь языком?..

1981

КЕЛЕ, ЛАО¹

И день и ночь во мне - все та же песня,
Не звук плывет, а горьковатый дым.
Скорбит старик... И слышно в поднебесье:
“Келе, лао, пойдем к местам родным”.

В кровь сбиты ноги на пути тернистом,
Серп и сума скитальца за спиной...
Как стон, плывет по склонам каменистым:
“Келе, лао, вернемся в край родной!”

В глазах - печаль, растерянность, тревога,
Вопрос - о, как же быть в конце концов?!
Он обращен к себе, к судьбе и к богу:
“Келе, лао, вернемся в край отцов!”

Нет дела до границ им - детям сирым,
В них жив и вечен простодушный зов
Земли и сердца... И плывет над миром:
“Келе, лао, вернемся в край отцов!”

О, как же так?! Сам - здесь, а дом заброшен,
И мельница не крутится зимой...
И крик души чуть слышен, хоть истощен:
“Келе, лао, пойдем, сынок, домой”.

¹ “Келе, лао” - “Пойдем, дружок” - армянская песня.

Как подавить смятение? Где взять силы
В Сасунском доме? Как унять тоску?
“Келе, лао, вернемся в край наш милый,
Мы поскитались на своем веку...”

И если справедливость есть на свете
И Бог в согласье с правдою земной,
Должны и деда, и отцы, и дети,
Все одолев, вернуться в край родной...

1983

ГРУСТНАЯ ШУТКА

**На дальнем Севере жил-был народ
Ханты-манси. Он и теперь живет.**

**Я странница, и ветры занесли
Меня в далекий край ханты-манси.**

**Но знаю я об этой стороне
Не больше, чем о Марсе и Луне.**

**И слушаю, как будто я с Луны,
Стихи поэта этой стороны.**

**О чем он скажет? О какой судьбе?..
Ведь всех манси осталось тыщи две...**

**Но хлопает великодушный зал:
Читай, мол, парень, что понаписал...**

**Я слово сокровенное найду,
Я разделю, мой друг, твою беду.**

**В сумбуре мира, в корчах суеты
Тяжелый крест несешь не только ты.**

**Я свой несу, и ты свой донеси.
Мы все сегодня чуточку манси...**

1981

НАВАЖДЕНИЕ

О Гамлет, Гамлет!
Точь-в-точь как твой отец,
Как призрак убиенного монарха,
Что еженощным грозным наважденьем
Вновь о предательстве напоминает
И будоражит кровь,
Точь-в-точь как этот призрак непреклонный,
Не только ночью,
Но при свете дня
И в сумерках, всегда, ежесекундно
Вздывается над нами
Отец наш - Арарат,
Стоит, окаменевший и безмолвный,
И ждет нас, и глядит с укором.

О Гамлет, Гамлет!
И, спустя века
Тревожит нас
Все то же наважденье.
Так что же делать нам?
“Снести жестокость рока
Иль мечь
Обрушить на предательство и горе?”

1973

УВЕЩЕВАНИЕ

- Уймись, - твердит моя земля, -
Твои стенанья горячи,
Ты можешь исчерпать себя,
Побереги слова, молчи.
Спеленуты мои бока,
Который век я пленена,
Зато я ребрами крепка
И мышцами укреплена.
Границу сверху провели,
Но кровь внутри земли течет
И мозг спинной внутри земли -
И нестигаем наш народ.

- Уймись, - мне камни говорят, -
Не плачь, не трать свои года,
Не за горами твой закат,
А мы пребудем навсегда.
Мы - герб, мы - храм, и мы - хачкар,
На нас родной земли печать,
Мы - Лим, Вараг и Гандзасар¹,
Не сокрушить нас, не прогнать,
Мы, камни, как леса страны,
Корнями в глубине веков,
Нам древоточцы не страшны,
Нас поруби - мы встанем вновь.

¹ Лим, Вараг, Гандзасар - древние армянские храмы в Армении и Нагорном Карабахе.

- Уймись, - мне письма твердят,
Наш раненый язык твердит, -
Не бойся горечи утрат,
Будь выше страха и обид.
Мы - белые тельца крови,
Мы знаем: белая резня
Искоренить нас норовит
И ширится день ото дня.
Но клетками наш род здоров
И вынесет любой недуг,
И не сгорят в огне костров
Наш манускрипт, наш гордый дух.

- Уймись, - велит моя земля,
Велят с камнями письма. -
Дай нам слова, дай всю себя,
Все, чем душа оскорблена.
Животворящи мы навек -
Недаром Ной¹ сюда пригреб
И здесь причалил свой ковчег,
Когда везде шумел потоп.
Мы отстояли жизнь свою,
Мы здесь навеки, навсегда.
Так смело ожидай зарю
И нашей верой будь тверда.

1986

¹ Ной - библейский герой, который во время всемирного потопа, причалив свой ковчег к горе Арарат, стал новым родоначальником человечества.

ДЕРЕВО

Когда дровосек приближается утренней ранью,
Предчувствует дерево - верно считают от века, -
Угрозы смертельной, опасности близко дыханье,
Предчувствует дерево гибель - под стать человеку.

И, чувствуя каждую веткой конца приближенье,
Все силы оно напрягает и в листьях и в сучьях,
Все соки свои собирает, приводит в движенье
И вниз их сгоняет - к корням - силой жизни
могучей.

Зря точат в лесу топоры и наносятся метки,
Напрасно считают, что впрямь ты и слаб
и покорен...
Сто, тысячу раз отсекали в веках твои ветки,
Сто, тысячи новых отростков давал он -
твой корень.

1985

1965, 24 АПРЕЛЯ

Был месяц апрель.
День был светом насыщен.

На площади -
Море людское,
По улицам - реки людские
Текли и не знали куда,
Но - текли - так случилось...

И казалось - волна
Из глубин вековых накатила,
И духом высоким она,
Излучением мощным держала
То шествие
И отсылала назад
К Аварайру, Ани и Тер-Зору¹,
В грядущие годы вела,
Недоступные взору...

Юнцы, на Давида² похожие,
Грозно шагали,
Такие ж безумцы, как он...

¹ Ани - столица Армении в X веке, Тер-Зор - пустыня в Сирии, где погибли десятки тысяч армян, выселенных из родных мест во время геноцида 1915 года.

² Давид - главный герой эпоса "Давид Сасунский".

Но как за день они возмужали!
В них кровь пробуждалась,
И дух пробуждался и рос.
В глазах у них
Горечь, протест и вопрос:
- Дядя Оган¹, дядя Оган, ответь -
Ведь не знаю о том ничего!
Откуда мой дед? Где могила отца моего?
Где молния-меч
И конь наш Куркик-Джалали²?..
О горестях страждущей нашей земли,
О были чудовищной
Под названьем "резня"
Зачем молчали,
Память казня?..
О жертвах священных,
О землях священных,
О боли, о черной печали
Зачем столько лет молчали?..

...Шли одержимые
И отрешенные,
Духом воспрявшие
И воскрешенные,
Вдаль устремлялись упорно,
Готовы проникнуть к святыням
Марутского храма,
Готовые землю разворотить
И извлечь
Молнию-меч
Из-под земли
И вывести, глыбу осилив,

¹ Дядя Оган - герой эпоса "Давид Сасунский".

² Молния-меч, Куркик-Джалали - меч и конь Давида.

Коня Джалали...

И крикнуть: “Мы в силах коня Джалали
оседлать!”

И крикнуть: “Мы в силах
Сасунцев дома и права отстоять!..”

Был месяц апрель,
И день был праведен...

1974

**ГРУСТНЫЙ ВАЛЬС,
написанный под грохот приемника**

Острову Кипр

Джаза рычанье,
Саза журчанье...
Дела им нет
До чужого отчаянья,
Не беспокоит
Средь звона и визга,
Что остров какой-то
Кровью обрызган...
Прав, виноват ли,
Друг, супостат ли,
Кто-то там, где-то, -
Дела им нету!
Без разрешенья
Иль по решению -
Вместо свободы
Гром разрушенья,
Что им за дело,
Что за забота,
Что обездолен
Где-то там кто-то!
Кто озабочен,
Кто растревожен
Тем, что какой-то

Дом уничтожен?
Что поселились
Страхи и беды
Там, где играть бы
С внуками деду.
Рухнула кровля,
Стены об остов.
Залит он кровью -
Маленький остров...
Нефть? Дарданеллы?
Нет и в помине!
Крик лишь души,
Вопиющий в пустыне...
Что за цена ему -
Крику души?
Дорого ль стоит?
Стоит - гроши.
Кто его слышит -
Чужое отчаянье?
...Джаза рычанье,
Саза журчанье...

1974

ВОПРЕКИ ГЕОЛОГИИ

Как представить,
Что шли века,
Миллионы веков, не менее,
И не существовало Армении
И армянского языка.
И Масис не слился с нашей душой,
И Севан не слился с нашей слезой,
И земля, и камень, гора и лес,
Эти шорохи, шепоты были без
Дыхания нашей печали...
И за землю, судьбу любого клочка,
Тайной дрожью мы не дрожали;
Боли не было никакой,
Да и радости никакой...
Лишь текли и текли века.

Не бывало поры такой,
Не бывало наверняка...

1974

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1. Моему народу

Ты тростниковым рожден рожком,
Ты плотью - огонь и дым,
Он - волчьим вскормленный молоком
И волчьей мощью храним,
Стал волчьеподобен, могучим стал,
Он Римом великим стал,
А ты чадишь, как в Гегарде свеча,
Огнем и дымом своим.

2. Перед портретом Святой Марии

Санта-Мария, Санта-Мария,
Вижу повсюду - Санта-Мария,
Слышу повсюду - Санта-Мария,
У Рафаэля - "Санта-Мария",
В храме, в отеле - Санта-Мария,
К каждому слову - Санта-Мария,
Снова и снова - Санта-Мария.
Я пред тобою, Санта-Мария,
Как пред судьбою - Санта-Мария.
Но, вспоминаю, Санта-Мария,
Есть и иная Санта-Мария.

Будит с рассвета бедное чадо:
В ясли - ему, на работу - ей надо;
Мчится, спешит, потому на работе
Вечно на нерве, вечно на взводе,
Чтоб, намотавшись нечеловечьи,
С чадом домой воротиться под вечер,
Возле кроватки сесть одиноко.
Бедному сердцу надо немного...

Жизнь обманула и подкосила -
Счастья ей надо только для сына.

Санта-Мария, видишь, какие
Маются в мире Санта-Марии,
Маются под непомерностью груза,
К сердцу прижавши младенца Исуса.

3. В Венеции

Что мне фильмы и полотна, сотни снимков,
сотни книг?
Я увидела сегодня подлинник, он вдруг возник.

О Венеция, с тобою только сон, пожалуй, схож.
Кажется, глаза закрою, - и под воду ты уйдешь.

О каналы, и палаццо, и мосты, как тростники,
Что сумели удержаться всем законам вопреки!

О Собор Святого Марка, с площадью для голубей!
Все - прозрачней акварели и намного голубей.

Что мне сделать, чтоб осталась ты навеки
над водой,
Чтоб другие омывались несказанной красотой?

И тебя в глаза вобрали и с собою унесли,
Чтобы с ними ты осталась на любом краю земли?

А когда бесцветным станет все вокруг, в бывшие
сны
Добавляли голубого от твоей голубизны.

4. На мосту Риальто

Чернобровую весной
На Риальто встретил...
Аветик Исаакян

На мост Риальто поднялась, но, вопреки стихам,
Ни чернобровой, ни весны не повстречала там.

Лишь увидала сквозь толпу и полусотню лет,
Как зазевался на мосту поэт.

Канал плескался под мостом и навевал печаль,
Но добегал издалека к поэту Арпачай¹.

Собор Святого Марка был как солнце золотой...
Часовня со свечой в руке звала певца домой.

¹ Арпачай - река в Армении.

Звала домой, но путь во мгле, в тумане не нашел,
Сестра, как страннику найти дорогу на Бингёл¹?

Поэт-изгнанник, Расскажи, что делаешь ты здесь.
Я поведу тебя в Ширак до года -
тридцать шесть...

Венеция совсем как рай, но не для нас с тобой,
А наша доля - ветхий мост за мельницей седой.

А наша доля - из камней и каменных утрат,
Нам горькой, тяжкою за все наградой Арарат...

Собор Святого Марка весь как солнце золотой.
Часовня со свечой в руке зовет меня домой...

1987

¹ Бингёл - родник в Западной Армении.

Я всемирно известным
Не завидую племенам,
Их морям не завидую,
Их просторам с лугами и рощами;
Не завидую их обласканным
Счастьем векам,
Их церквам, крепостям и дворцам,
Утопающим в роскоши.

Я завидую их языкам,
Всемогущим их языкам,
Что гудят мощью рощ и лугов
И в корнях сберегают основу,
Что, послав позывные
Космическим кораблям,
На ребячьих губах,
Как цветы, распускаются снова.

Их поэтам завидую
И завидую их матерям,
У которых нет страха
Пред гибелью слова.

1981

* * *

Как будто душу придавил свинец,
Густая кровь от напряжения сжалась.
Проснусь к утру, измаяна вконец, -
Откуда, не пойму, во мне усталость?
Вонзилась в душу боль и, скрежеща,
Сама себя на части разломала.
Неужто это та же боль обмана
И глубока, и жгуче горяча?
Боюсь проговориться ненароком
Себе самой, что страх неистребим...
Неужто я обманута... народом,
Который называла я своим?
Неужто же, его боготворя,
Любя его любовью нетрезвою,
На жертвенном его столе зазря
Я женскую судьбу свою зарезала?
Неужто же он стает стал безродной,
Беспамятной, бескорневой, ничьей,
Кочующей и даже перелетной.
Ушел из плена духа в плен вещей?
В любви бездумен, в ненависти слаб,
Чтит зрелища, отринув справедливость,
Святого заклеяет, как темный раб,
Неправедного за святого выдаст.

Душою слеп, он в темноте бредет,
Где зло, где ложь, ему уже не видно;
То вспылчив, груб, а то покорней быдла,
И только нужен корм на круглый год.
Взываю к вам - вы мой опорный полк,
Так помогите страждущей бедняге!
Проснитесь, как живые семена,
Скажите побеждающее слово,
Я перечислю ваши имена,
Открою тайну и первооснову,
Постигнув вашу суть, ваш путь пройду
И вместе с вами снова свергну Бела,
Чтоб сызнова нам не принес беду,
И ассирийку, чтобы не глядела
На моего Ара... Чиста, горда,
Учиться стану у Месропа в школе,
И бой приму на Аварайрском поле,
И затворюсь с Нареком навсегда;
Гегард в скале я вырублю опять;
С глотком воды, с просвирую, в затворе,
Пергамент оживлять и собирать
По капле музыки армянской море;
Молиться буду, заживо гореть,
По селам, по горам пойду я снова
С берданкою и саваном, готова
Заранее на подвиг и на смерть;
И, на освобождение надеясь
Моих армян, умру, поправши страх;
Расстреляна за Каспием в песках,
Я искренне поверю, как младенец,
В гармонию всеобщей справедливости...

Ваш дух и ваш пример меня призвал,
Готова с вами все невзгоды вынести
И вами вылепить армянский идеал;
И ваша жизнь, мыслители, герои,
Вновь убедит меня, докажет мне,
Что чернь - одно, народ - совсем другое,
Что крепок он на самой глубине,
Что чернь - лишь пена, а народ - основа -
И накипи и пене не сродни,
И облик моего народа снова
Я из руин подьемлю, как Гарни,
И обрету во что бы то ни стало
Утраченное "я", чтоб верить впредь
В народ и землю...

Невозможно ведь
Без веры жить и жить без идеала,
И даже невозможно умереть...

* * *

Нет, я не жалею, что поздно на свет родилась,
Хоть рядом с Сосе¹ я сражаться была бы
готова.
Не только в бою от меча проливается кровь, -
Кипящая в жилах, она превращается в слово.
Бунтующим духом она обернулась во мне
И словом горячим... А если водою студеной
Она пролилась - не от страха, а лишь для того,
Чтоб жар твоих ран остужать ею снова и снова.

1982

¹ Сосе - отважная женщина-фидаи. Фидаи - повстанцы, боровшиеся против турецкой тирании.

* * *

Вардавар¹ в селе старинном заиграл,
И друг друга обливает молодежь.
Обновили под горой Ара канал,
Все равно он с Шамирамом² древним схож.

По каналу, по каналу Шамирам
В Ниневию тихо мыслями плыву,
Вижу всех, кто тут сгорал и умирал,
Сквозь три тыщи лет как будто наяву.

У горы Ара уже с утра
Праздник Вардавар вошел в азарт.
Здесь мальчишки чуть не сплошь Ара,
А девчонки чуть не сплошь Нвард³.

1986

¹ Вардавар - языческий праздник воды.

² Гора Ара и канал Шамирам - названы по имени героев древнеармянской легенды.

³ Нвард - жена Ара.

ВЫ И МЫ

Обязанность нашего поколения,
людей нашего времени - никогда и
никому не разрешать осквернять
укрепленное каплями крови армяно-
грузинское братство.

Константинэ Гамсахурдия

О славное наше соседство, единство и братство!

Друг с другом мы сами сумеем во всем

разобраться.

Друг с другом вовеки не спорили, не воевали,

И кто-то друг с другом столкнуть нас сумеет

едва ли.

Чего же он хочет, безумьем своим ослепленный,

Век этот, от нас, что еще со времен Илиона

Сроднились?.. Он сеет вражду и в успехе уверен;

Он вкрадчиво шепчет: кто более славой оваян?

Чьи храмы древней - Рипсима иль Светицховели¹?

Кто старше, мудрей, изначальней - на самом-то

деле?

Пусть в кровь не проникнет обида тайком,

ненароком,

Да не охладее душа в отчужденье жестоком!

¹ Рипсима и Светицховели - храмы, шедевры армянской и грузинской архитектуры.

Ах, век-подстрекатель!.. Но мы устоим
 без сомненья,
 Не станем пустою игрушкой слепого мгновенья.
 Историю предков мы вспомним - могучую силу,
 И все, что в столетьях нас не разделило -
 сплотило.
 О Гайке и Картлосе¹ вспомним бывшее сказанье -
 И мы избежим дисгармонии грубых касаний...
 Мы вспомним: среди многостильных строений
 столетий -
 Готических шпилей, церквей, базилик и мечетей -
 Лишь ваши и наши соборы, как братья, похожи,
 В стремлении к небу иных они проще и строже.
 Прибежище святости: здесь за священным
 порогом
 Певец и монах воспаряли, беседуя с Богом.
 Забудем ли мы Шушаник² - дочь Вардана?
 Нет меры
 Всем мукам, доставшимся ей за грузинскую веру.
 В спасенье Ани помогала нам наша десница.
 Закар-спасалар³ - с кем отвагой он может
 сравниться?
 Забудем ли мы, что Тбилиси стал домом армянам,
 Своей добротой приносил исцеление ранам.

¹ Гайк и Картлос - легендарные братья, олицетворяющие дружбу армянского и грузинского народов.

² Шушаник - дочь армянского полководца Вардана Мамиконяна, жена картлийского правителя Варскена. Она отвергла требование мужа отказаться от христианской веры и умерла мученической смертью.

³ Закар-спасалар - полководец, который возглавлял грузино-армянское войско при защите армянской столицы Ани от сельджуков (XII-XIII вв.).

Давайте же вспомним Тбилиси, давайте же
вспомним:
Он стал очагом возрожденья армянам бездомным.
Саят-Нова песней в начале (о время, послушай!)
И кровью своею в конце освещал наши души.
Малы мы числом. Достояньем своим велики мы:
И азбуки наши единственны, неповторимы.
И письменность ваша и наша у смерти на грани
Бывала не раз... За спасением самостоянья
И совести нашей - мы были погибнуть готовы,
Во имя достоинства запечатленного Слова.
Отстаивать станем неистово и неустанно
Все то, что нам дорого с вами, все то, что желанно,
Все то, что сплотило, связало нас и защитило,
Чтоб в этом столетье лихом, что ядро расщепило,
В невиданном веке, что грозен, прекрасен
и страшен,
Смогли сохранить мы ядро самобытности нашей,
Навеки себя сохранить - и в грядущем остаться,
А в споры о том, кто древнее, - бесплодно
пускаться!..

МЫ

Если бы наша земля не лежала
На перекрестке двух разных миров,
Не стала мостом
Для уходящих и приходящих племен;
Если бы не был так вспыльчив Тигран Великий¹,
Был рассудителен и не повздорил
С тестем могучим своим - Митридатом²;
Если бы не был наш царь Артавазд стихотворцем,
Вместо трагедий писал бы донесения
И со смиреньем притворным
Склонил бы главу
К стопам фараонши прекрасной;
Если бы не был самовлюблен каждый правитель,
И прежде всего управлять научился собою,
И утопил свое "я" в море "мы";
Если бы вняли мы здравому смыслу Васака³,
Жили расчетливо - тихо, покорно, -
Но все-таки жили
И рядом с Варданом, услышав лишь
сердца призыв,

¹ Тигран Великий - армянский царь (II в. до н. э.).

² Митридат - царь Понтского царства.

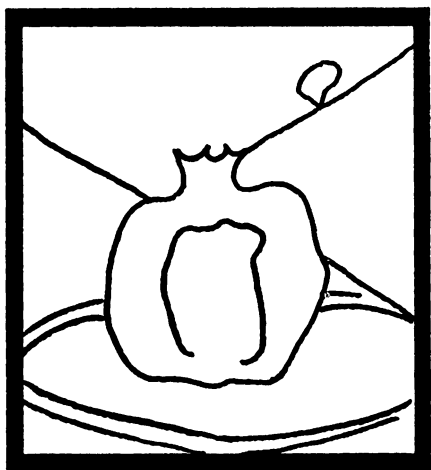
³ Васак - Васак Сюнеци - правитель армянского княжества Сюник. В отличие от полководца Вардана Мамиконяна он хотел пойти на переговоры с персами, предугадав трагический исход в Аварайрской битве (451 г.).

Не пали в жестоком сражении под Аварайром;
Если бы так фанатично, так слепо
Не поклонялись кресту и любви,
Отбросив перо и схватившись за меч,
И если, и если, и если...

О небо,
До коих же пор
Мы будем вот так задыхаться
В потоках бесчисленных "если"
И, неизменно самими собой оставаясь,
Старые новыми пополнять?..

Однако - как знать! -
Не будь мы теми, что были,
Разве бы стали мы теми, что есть?!

1973

ДАЙ
ЧЕЛОВЕКОМ
Я ПОБУДУ

* * *

Ты дал мне жизнь, чтоб весела,
Светла и как заря была.
Меня ты создал в день шестой
Как совершенство и как твой
Венец творения, как чудо...
И вот бреду, кручусь, ловчу,
То распрямлюсь, то в грязь лечу.
О Господи, перед концом
Ни совершенством, ни венцом -
Дай человеком я побуду...

1976

* * *

Треснуло стекло. Чуть слышный звук...

Но пока снаружи незаметно.

Трещину дало и сердце вдруг,

Но пока снаружи незаметно.

Есть еще вино в бокале, есть!

Я звеню еще... Еще звеню я!

Но вот-вот я - вдребезги! - из рук...

Но пока снаружи незаметно.

1981

* * *

Как жаль, что стала я теперь другой,
Суровой и карающей я стала.
Отправила я лиру на покой,
С лихим огнем играющей я стала.
Часовней для молитвы я была,
А ныне стала капищем угрюмым.
И, гневно протестуя против зла,
Жестокой, не прощающей я стала.

1981

* * *

На небо взглянула - и застыла я,
Своего восторга не тая:
Радуга красы неопикуемой
Вдруг соединила гор края!
- Не узнала? - на меня с усмешкою
Смолрит. - Это я, всего лишь я,
Старая приевшаяся радуга,
Давняя знакомая твоя!..

1979

НАСТРОЕНИЕ

Где-то, солнцу радуясь, свои
 Души распахнули облака.
Где-то освежила вдруг роса
 Лепестки усталого цветка.
Слово легким пламенем свечи
 Встрепенулось у меня в душе:
Вспыхивает - гаснет, вновь горит.
 Но не достигает губ пока.

1981

* * *

Деревья, вновь вы расцвели,
Беспечны и легки,
В прозрачном воздухе дрожат,
Трепещут лепестки,
И не тревожит вас вопрос -
Что вновь нарядны вы?..
А ведь года бегут, бегут -
Как наперегонки...

1981

* * *

Огромностью пугающее море
И на балконе - крохотная птица:
Она спокойно склевывает крошки
И ничего на свете не боится!
Что ей за дело до морской пучины?
Она поет, благословляя небо,
Она живет - и нет важней причины
Для радости, которой нет границы!

1981

* * *

Друзья потерялись один за другим
На долгих и длинных дорогах.
Ах, сколько внезапно исчезло на тех
Ни в чем не повинных дорогах!
Нет рядом со мною и тех, что живут:
Замешкались - я ли, они ли?..
И вот одиноко и молча стою
На этих пустынных дорогах.

1981

* * *

Много ль, мало ль отдала,
В жизни взяв разбег - не знаю.
Что ценнее - дар певца
Или человек - не знаю.
Часто вместо песни я
Людям руку подавала,
Как я - плохо ль, хорошо ль
Прожила свой век - не знаю.

1982

* * *

Не мерить меркою своей
Мне мира радость и беду,
Вовек бы не рукоплескать
Тому, с чем сердце не в ладу.
Словами, что давно мертвы,
Меня хотят ввести в обман,
Не обмануться б мне самой -
Чужой обман - я отведу...

1981

* * *

Дороги ни вперед и ни назад,
Ни трудной, ни спокойной - не осталось.
Задачи для решения - ни одной
Логической и стройной не осталось.
Зачем ты шпагу обнажил свою,
Ответь, о рышарь добрый и печальный?
Увы, для Дон Кихота ни одной
И мельницы достойной не осталось...

1982

* * *

Тяжко свидание, тяжело прощание,
Тяжко рыдание, тяжело молчание,
Тяжко поверить, еще тяжелей
Впасть в неверие и отчаянье.

1982

* * *

Дым не страшен... Страшись фимиама,
Плывущего в полог небесный.
И не горечь страшна... Опасайся
Ты сладостной дани словесной.
Если станешь ты вдруг всемогущ,
Наделен всеобъемлющей властью,
Ты страшись лишь себя, своих прав
Непомерных страшись повсеместно.

1982

* * *

Супротив друг друга стоим,
Словно шахматные фигуры,
Победить друг друга хотим,
Словно шахматные фигуры,
Но и пешки и короли,
Победив даже, лягут в ящик,
И другой сразится с другим,
Словно шахматные фигуры.

1982

* * *

Не прославлены нисколько
Сочиненья Диогена,
Всех интересуют только
Злоключенья Диогена.
Не сыщи он жалкой бочки.
А живи обыкновенно,
Позабыли б, вне сомненья,
Даже имя Диогена.

1985

* * *

Идти мы пробовали в ногу,
Но с шагом шаг - не совпадали.
Напрасно сесть спешили рядом,
Ряды никак не совпадали,
Одно и то же повторяли:
“Армяне, Айастан, святыня...”
Похожим показалось пламя,
Но с жаром жар - не совпадали.

1982

* * *

Идеи чадят и дымят, но есть
Чистый огонь идей,
Идеи имеют своих святых
И блудных своих детей.
За идеи гибнут, уйдя в небеса,
Крылатые храбрецы,
Но чаще зреют победы плоды
Для приземленных людей.

1982

Сколько их - похожих, что кричат про смелость,
Требуют отваги - но не от себя...
Требуют, чтоб вышли против лжи и фальши
В бой - не на бумаге! - но не от себя.
Сами ж недовольны: можно ли бояться?..
Жертвуйте собою, бейтесь до конца!
Призывают смелых пасть на поле боя
От меча иль шпаги - только не себя.

1982

* * *

Умершему - хвала, почет,
Живому - и почтения нет:
Мы оскорбляем, раним, бьем,
Сочувствия - и тени нет.
За гробом скорбно мы идем,
Слез и раскаянья полны.
Потом - все повторяем вновь
И той беде - леченья нет...

1982

* * *

Суметь бы слиться мне с темнотой,
Словно глухою жить,
Суметь бы укрыться в себе самой,
С души скинув гири - жить.
Устала биться я головой
Об эти прутья глухие,
Суметь бы бескрылой и неживой,
Как в летаргии, жить.

1986

* * *

Если тайком навлеку беду,
Никто не узнает, одна буду знать.
Если солгу, предам, украду,
Никто не узнает, одна буду знать.
Если усопшего перевру,
Именем его поклянусь,
Он, дважды глухой, к моему стыду,
О том не узнает, одна буду знать.

1986

* * *

Когда чей-то мальчик рыдает,
Мне чудится: внук мой рыдает,
Когда кто-нибудь умирает,
Он будто меня упрекает.
Когда загубил кто-то душу,
Мне чудится: я виновата -
Нарушила договор с Богом,
И кто-то за это страдает.

1985

* * *

Радостно открыла я глаза
Поутру: как в комнате светло!
Отчего мне так легко сейчас?
Что случилось? Что произошло?
Недоброжелателю вчера
Просто пожелала я добра -
Помирилась я сама с собой:
Я добром откликнулась на зло.

1986

* * *

Не печалься, что морщинки
Появились тут и там,
Исподволь берет природа
Все, что раздарила нам.
Не ропщи, что увядает
Жизни цвет во цвете лет.
Не приходит увяданье
Лишь к искусственным цветам.

1987

* * *

Совсем истомились, устали вконец,
На ощупь живя между правдой и ложью,
В надежде глядели на небо - но вдруг
Запрыгали градины по бездорожью,
В займы друг у друга надежду беря,
Питали друг друга взаимной надеждой:
Взгляни-ка, вот-вот забелеет заря
И мглу предрассветную вмиг уничтожит...

1987

ЭКСПРОМТ

Из этой зрелой поры
Гляжу, как будто сначала.
С вершины моей горы
Все мелким, ничтожным стало.

Ованес Туманян

И я достигла своей горы
И с ее вершины
Вижу,
Какая внизу толчея,
Как улыбаются, ненавидя,
Клянутся в дружбе и лгут,
Рвут из рук друг у друга славу,
Все позабывши, все отринув -
Высоту души, честь, идеи,
В горячке карабкаются на Парнас,
Себя потеряв и теряя друг друга.
И не знаю, что мне благословлять:
Годы, или ленивую кровь,
Или детское сердце мое - мой добрый гений -
За то, что я полна такой ясности и такого света
И могу так мирно, так спокойно
И свысока
Глядеть вниз...

1974

ЭПИГРАММА

Вы обвиняете меня в тщеславии,
Мои друзья.
Ваш суд оспаривать не вправе я,
Да и оспорить мне его нельзя.
Я признаю
Вину свою.
Но в ходе предварительного следствия,
Когда искать мне будете статью,
Учтите: в ученицу неизвестную
Сама влюбилась слава. Виновата
Я в том, что бдительною не была,
Прогнать тогда нахалку было надо,
А я тогда ее не прогнала.

1975

* * *

Сотвори добро и в воду брось.

Народное изречение

Сотвори добро и в воду брось,
Сотвори, не мысля, что авось
Воздадут тебе за то добро, -
В речку брось, не более того;
В море унесет его река,
Чтобы море подсластить слегка,
Чтобы подымался добрый пар,
Небесам неся свой щедрый дар,
Чтобы небо наполнилось добром
И добро чтоб, изойдя дождем,
На поля и души пролилось...

Сотвори добро и в воду брось.

1982

Боже, ты замесил меня из любви
И отправил в мир, лишенный любви.

Маро Маркарян

Из глины людской замесил ты меня,
Из гнева и боли, любви и огня,
Из счастья и горя, из правды и лжи,
Из духа борьбы, из испуга души,
Из мощи надежды, из муки обид,
Из крови мятежной, что в жилах гудит,
И кинул сюда, где любовью зажглись,
Меня опалив, Арагац и Масис...

1982

* * *

Еще февраль. А солнце озорно
Нас играми незимними пытается:
Смеется, припекает, жжет оно.
И над землей весенний дух витает.

Мне страшно за деревья: вдруг всерьез
Поверят и оттают раньше срока,
А после, лишь дохнет на них мороз,
Вновь съежатся, обмануты жестоко.

Ты нежности во взгляде не таи,
Огнем своим не пробуй прикоснуться -
Боюсь, деревья спящие мои
Проснутся, не ко времени проснутся...

1979

* * *

Внучке Лиавард

Ты с капелькой росы росток,
Былинка ростом с ноготок;
Вся трепеща, в глазах - восторг,
Из дому рвешься на простор.

То ведро там, то из ведра
Льет и свирепствуют ветра;
Куда они - к моей беде -
Тебя закинут, бросят где?

1986

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Не верю... Кажется мне все
Подобьем сна.
Но только вот рука твоя
Так холодна.
Душа моя сродни кусту,
Что вырван с корнем,
На бездыханность и покой
Обречена.

2

Она отца любила моего.
Но как? - спросить я так и не сумела.
Откладывала все на завтра я,
Ее спросить я так и не успела...
Священным был ее молчанья склеп,
Погребена была в нем тайна сердца.
Я побоялась погребенье вскрыть -
Ее спросить я так и не посмела.

Она была со мною дома, рядом,
Теперь она - во мне, в душе моей,
Грустит и улыбается печально
И истины взыскует все сильнее.
Могильный холмик, строгий, одинокий,
Навеки с Норкским слившийся холмом,
Со мною остается днем и ночью,
По мне грустит, тоскует все сильнее.

Мать - не только мать, а дом.
Детства кровные края.
Если жизнь поток - то мать
В русле чистая струя,
Берег, берегущий нас, -
Мы же призваны беречь
Сердце матери: в нем свет
И опора бытия...

ОТЦУ МОЕМУ

Отнимали тебя у меня,
Смерть взяла, а потом столько лет
Ты опасен был как западня,
На тебя налагали запрет.

Были отняты право и долг
Помнить имя твое и дела,
Было маленькой мне невдомек,
Что сиротство свое предала.

Смерть бессмертье ведет за собой,
Но ни в детских, ни в зрелых слезах
Ты, отец мой, как память и боль
Никогда еще не воскресал.

Ты мне жизнь и Армению дал,
И любовь к ним и к речи родной,
Но тебя за бесценный твой дар
Не прославила я ни строкой.

Отнимали тебя у меня -
Уступала... И жизнь - позади.
Покаянно и поздно моля,
Я взываю: отец мой, прости...

ЧЕРНОБЫЛЬ

*Письмо Лине Костенко,
Ивану Драчу, Нилу Гилевичу*

Мне во сне и наяву
Не дает покоя это слово,
Мне неведомое до апреля,
До всемирно-горького двадцать шестого...
И в мою армянскую печаль
Влилась новая.
Куда страшней, куда неукротимей,
Схожая с безумием вулкана,
А еще точнее - с тем же безумным атомом
Из реактора слепого...
Лина, дорогая, как ты там?
Драч, как ты
И твой сын Максим?
Как вы, братья белорусы?
Знаю, держите себя в руках,
Боль в себя загнали,
Но подайте весть:
Как, утомился мирный атом
Или все отраву излучает?
Мне во сне и наяву
Нет покоя от сумбурных мыслей,

Мысленно и молча я брожу
По полям и по поселкам,
За каких-то два часа покинутым поселкам.
Все осталось на своих местах: дом, и сад, и улица,
На газовых конфорках - чайники и сковородки;
Люльки, где лежали малыши
С круглыми - кровь с молоком - щеками;
Люльки
Больше никогда
Не согреются от малышей.
Где владельцы -
Малыши с прозрачной кожей?
Живы, умерли - что с ними стало?..
Красная клубника на кустах,
Спелая и крупная,
Но нельзя собрать.
Налитое, словно вымя, заждавшееся дойки,
Яблоко свисает с яблони,
Но нельзя сорвать.
Сад согнулся
От невиданного изобилия,
Но такие урожаи издавна зовутся "гибельными".
Розы, яркие
И огромные такие,
Что похожи на бумажные
С траурных венков.

Реки - мирные, невинные,
Игривые, как дети,
Знать не знают,
Что от белокровия умрут...
Так мысленно брожу
И чувствую, что кровь моя
Облучена
Неслыханными и невиданными,
Не знавшими подобия картинами...
Лина, дорогая, как ты переносишь
Эту боль и муку?
Драч, мой брат, как твой сын Максим?
Я вижу заостренное его лицо,
От облученья ставшее прозрачным,
И боль отцовскую, непроницаемую боль,
Которую ты прикрываешь разговорами...
Я содрогаюсь от ужасной мысли,
Всего от мысли,
Что и у нас могло стрястись такое,
Что были мы на волосок от гибельного взрыва
Атомной нашей станции,
Поставленной в сердце Армении,
И всего только миг - и земля,
И народ мой,
И сын, и внучата...
Лина, прости,
Братя, простите
Мне эти мысли, потаенные, неуместные...

Я так хочу
Разделить с вами вашу боль,
Развеять эту вселенскую печаль.
Душа моя жаждет огромной жертвы,
Душа моя жаждет
Исповеди и молитвы,
Плача, прощения, очищения,
Можете это назвать как хотите, -
Душа моя жаждет облегчения,
Хочу я все, что есть у меня,
Все, чем владею, и всю себя
Растопить, обратить в большую свечу,
И зажечь у какого-нибудь алтаря,
И перед каким-нибудь Богом
Коленопреклоненно
Рыдать и молиться, просить отпущения
За все грехи человечества
Просить отпущения
За свои, за ваши и за каждый грех,
Беспрестанно молиться,
Чтоб затух этот пожар,
Этот невидимый адский огонь,
Чтоб исцелилась ваша раненая земля,
Чтоб дети жили,
Жили, а не умирали...
И если в эту мою молитву,
В эту объятую страхом мольбу,
Опять вкрадется неверный звук,
Что судьба на сей раз была милосердной

К своему народу,
Сбившемуся, стиснутому
На земле размером с ковчег,
И сохранила от близкой беды,
От верной гибели - от нового потопа, -
За это мое греховное утешение,
Лина, прости меня,
Братья, простите...

1986

БАЛЛАДА О КОРОЛЕ БЕРНАДОТЕ

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она.
Призрак сиротства тревожит народ -
К Господу призван король Бернадот.

Славой овеян король Бернадот -
Республиканец, смельчак, санкюлот, -
А император его произвел
В маршалы и посадил на престол.

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она;
Воины в черном и в черном дворец -
Ведь у отечества отнят отец.

Умер король Бернадот, и звонят
Колокола день который подряд;
Во избежание нищей судьбы
В кирхах молитвы возносят попы.

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она;
И, опочив, погребения ждет
В дальних покоях король Бернадот.

Торс королевский, впервые нагой,
Слуги душистой омыли водой,
А на груди короля - что за срам?! -
Надпись наколота: "Смерть королям!"

Скорбным известием потрясена,
В трауре Швеция, в страхе она,
И отбывает в последний поход
Божий избранник - король Бернадот.

1981

ИСИХАЗТЫ

Возле моря скалы известковые,
В них пещеры глубоки и часты.
Говорят, в глухом средневековии
Жили в них монахи-исихазты.

“Исихазт” - по-гречески - “молчание”,
И в безмерном гневе, и в печали,
Уходя в себя, в свое отчаянье,
Мрачные отшельники молчали.

Крохотная секта с горькой верою
Обернулась в наши дни несчастьем:
Стань хоть вся Атлантика пещерою,
В ней не поместиться исихазтам.

1981

ДОМ ПАСТЕРНАКА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Как крепость обособленный, от времени
Дом, потемневши и осиротев,
Напоминал владельца тем не менее:
Был горд и строг и боль таил и гнев.

В той крепости - священные реликвии
И вещи, что реликвиям сродни,
И духи обитали там великие
И уводили нас в былые дни.

Где ж эти духи - стражи биографии,
Что ж не могли остановить разгром?..
И руки грязные весь дом разграбили,
И схож с футляром опустелый дом.

Встарь непреодолимы были крепости,
Их штурмовали храбрецы одни,
Теперь все упростилось до нелепости;
Всего лишь только сверху наемки -

И цитадель бессильна против низости,
Хотя держалась против храбреца.
Но почему, герои-знаменитости,
Что призваны воспитывать сердца,

Вы не предотвратили надругательства?
Неужто за иудины гроши
Вы рады опуститься до предательства
Самих себя и собственной души?

Неужто все жестокости и горести
Мы как напоминанье не храним
И сызнова с холопскою покорностью
Склоняемся пред мнением любым?

Дом... Дом еще дождется воскресения,
И только вам не избежать стыда.
Все вещи возвратятся из рассеянья,
И в дом поэт вернется навсегда.

Но вы, вы, выселявшие в свирепости,
Себя лишь выселили... И опять
Своих имен, разбитых ныне вдребезги,
Вам не собрать...

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Твердо говорю:
Это город мой.
Это победа земной руки,
Вскинутая в схватке
С без труда сотворенными Господом небесами, -
Моя.
Мои
Не из вулкана -
Изверженные из кратера человеческой мысли,
Смутившие уровень моря,
Дерзко вздыбленные камень, бетон, металл,
Переливающиеся стеклом и огнями.
Мои
Внезапно окаменевшие на пути к небу
Крылатые летящие формы.
Эти бетонные трубы
Гигантского неупорядоченного органа,
Оглушающего симфонию безумного века,
Мои.
Эти исполинские
Стремительные мосты,
Верные древнему назначению,
Когда лишь бревнами и ветвями
Соединяли берег с берегом,

Мосты, что вносят в могучую какофонию
Ноту древней тоски,
Тоже мои.
Свет, воспаряющий по этажам,
Застывающий в воздухе,
Словно горный хребет,
Перекрещенный множеством освещенных окон,
Тоже мой.
Пластика материала, покорная человеку,
Скользяще-сверкающая красота машин,
Многоликость глины, мрамора и стекла,
Все, все,
Подтверждающее силу рук
И человеческой мысли, -
Твердо говорю:
Мое.

И еще говорю:
В Гарлеме,
На сумрачном этаже -
Надежде и клубе квартала -
Я встретила художницу.
Она посвящала чернокожих подростков
В таинства светотени.
Была молчалива.
Печаль ее глаз была черней ее кожи.
Ее брат (на портрете - лицо тонкой лепки,
Задумчивый взгляд студента)
Обвинен в убийстве
И брошен в тюрьму,
Ее брат, Вильям Энтони Мейнард...

Сестра была печальной и гордой.
Посерьезнев и обратившись в слух,
Окружали ее подростки,
Тайны белого и черного познавшие с детства.
Эта сестра
Перед внезапно окаменевшими на пути к небу
Крылатыми, летящими формами
Сама окаменела...

Ее горе тоже, тоже мое.

1974

ПОЭТЫ

Памяти Гарсиа Лорки

Дайте говорить поэтам!
Свою тяжелую длань, тяжкую, словно камень,
Не опускайте на их уста.
Под тяжестью камня злак зачахнет,
Не станет колосом:
Родник, наткнувшись на камень,
В отчаянье повернет
Обратно в земные недра.
Дайте говорить поэтам!

Они приходят редко,
Иногда между ними - века,
Но они несут в себе
Дух и таланты всех,
Кто жил до их появления,
Кто придет после их ухода.
Их слова - как итог,
Как сгусток всего, о чем в эти годы
Молчали и говорили;
Все это они должны исторгнуть
Из бездны души.
От имени тысячи тысяч
Дайте говорить поэтам!

На границе меж прошлым и будущим
Они, словно антенны, принимают и передают
Голоса из прошлого в будущее,
И стоит сорваться их голосу,
Нарушится связь времен!
Дайте говорить поэтам!
Через них от столетия к столетию
Предаются гены
Чаяний человечества:
Космонавта уносят к звездам
Сгоревшие крылья Икара,
Не отнимайте у века безумство, мечту
и песню, -
Дайте говорить поэтам!

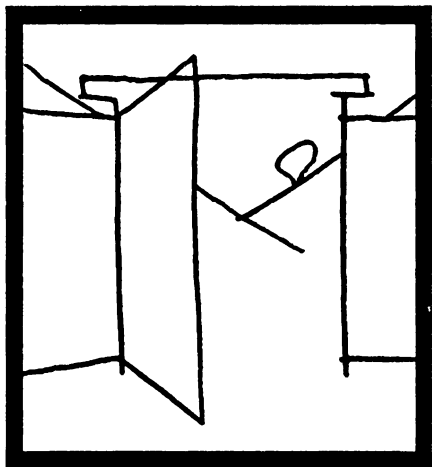
Дайте им говорить!
От их простодушного лепета,
Обновляясь и молодея, превращается в малыша
Старый земной шар.
От выдоха их стихов,
Как от дыханья деревьев,
Очищается воздух, обогащаясь озоном;
От раската их гневных строк
Над землей разряжается небо.
Не мешайте взаимообмену строки и земли -
Дайте говорить поэтам!

Недостроенный дом
Когда-нибудь с опозданием все же достроят,
Неверный расчет
Когда-нибудь с ущербом, но все же исправят;

И только распятое слово
Никогда не воскреснет,
Задавленное, невысказанное,
Слово бесследно загинет.
Задушить слово - все равно что младенца
Задушить в материнской утробе, -
Дайте говорить поэтам,
Пусть они говорят!

1973

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ТРЕВОГА

ТРЕВОГА

**Отлученный от совести мира скиталец-народ,
Сколько раз ты был изгнан,
 отвержен, повержен, обманут!
Но опять ты в дороге. И снова над миром плывет
“Лур-да-лур” - тебя снова мелодия древняя манит.**

У подножья толпишься... А звуки летят с высоты...
Им в смятении внимлешь,
 как будто впервые их слышишь.
Очарован мелодией, вверх устремляешься ты
От ступени к ступени - ступая все выше и выше...

Я со страхом смотрю
на твой странный, опасный подъем
По ступенькам коварным и шатким
той лестницы зыбкой,
И боюсь, что права я в предчувствии вещем своем,
И прозренье мое, к сожаленью, не станет ошибкой.
... Задержитесь, молю! - во весь голос
хочу закричать, -
Вы сорветесь с последней ступеньки,
злодейски разбитой! -
Но о стенку сплошной глухоты ударяюсь опять
И немею от боли, беспомощности и обиды.

О мой бедный народ, мой заблудший ягненок,
прости.
Если можешь, прости, что в тяжелую эту минуту
Слова я не нашла, что смогло б остеречь и спасти
От неверной дороги, над бездной
взмывающей круто.

Утешенья ища, я в глубокое небо смотрю,
Я смотрю в небеса и с надеждой ищу
в них спасенья...
Я из слов, что сказать не сумела, молитву творю
И в мольбу превращаю свой страх и свои опасенья.

О народ мой!.. Дай Бог, чтобы я ошибалась...
Дай Бог
Оказаться неправой во всем!.. Чтобы в силе и славе
Сохранясь, на вершину свою ты подняться бы мог
Без потерь, без помех, - чтоб мечта
обернулась бы явью.

Чтоб тебя одарил животворным дыханьем в пути
Долгожданный и чистый рассвет твоего
Воскресенья...
И тогда за сомненья мои и мои опасенья,
Мой народ, несмышленную дочь свою
дважды прости!

* * *

Годы мчатся, свои совершая дела,
Память стала, как сито: уносит куда-то
На закате все то, что с утра принесла,
Перепутав события, лица и даты.

Только ты, неусыпная горечь моя,
Мой народ, в моем сердце господствуешь
властно,
Даже если я сплю, ты не дремлешь, - и я
Ко всему, что с тобой происходит, причастна.

Время мчится... Но только бессильно оно
Пред гоненьем твоим, что никак не смирится.
Твои раны, которым зажить не дано,
Из могилы моей еще будут дымиться.

САМОЧУВСТВИЕ

Когда я в глубь души своей кого-то допускаю,
Потом ограбленной себя, души лишенной
чувствую.

Когда в свой адрес похвалу охотно повторяю,
Пересказать спеша, - себя опустошенной
чувствую.

Когда я с ходу клевету и ложь опровергаю,
Отравой едкой лжи себя я зараженной
чувствую.

Когда я с недостойным в спор
бессмысленный вступаю,
То, даже победив, всегда себя сраженной
чувствую.

* * *

Приходят и уходят дни в закономерности единой
И чертят на моем лице непреходящие морщины.

Приходят и уходят прочь бесповоротно весны, зимы,
И в зеркале - не я, а мать моя в тоске невыразимой

Глядит в глаза мне... И стекло как бы
теплее и чище стало,
И я застыла, будто вдруг нашла того, кого искала.

Она грустит и я грущу... Ну, что поделать,
так бывает...
Вся жизнь проходит предо мной - спешит,
скудеет, убывает.

Мы обе замерли - глядеть в глаза друг другу
продолжая.
Печаль моя утолена: та, в зеркале, мне не чужая.

Напротив, чувствую, она становится мне
все роднее, -
Седая женщина в стекле: я неразъединима с нею.

СТЕПАНУ ШАУМЯНУ

Глаза твои - как неба синь весной,
Они синей, чем море в день погожий...
На рыцаря из эпоса похожий,
Прекрасен ты, как сказочный герой.

В средневековом замке, взаперти,
Я, девочка, твой светлый лик лелею,
Тобою грежу и себя жалею,
Что наши так и не сошлись пути.

Ты был иной мечтою одержим,
Горел, на подвиг и на смерть готовый,
И я гордилась именем твоим
И гибелью, достойною святого.

...Когда пирует чернь и правит бал,
И запросто с ней справишься едва ли, -
Что сделать, чтоб тебя не растерзали,
Чтоб твой не осквернили пьедестал?

В безвременье, в безумстве смутных дней,
Когда все так запутано нелепо,
Хоть ты пребудь высок и чист, как небо,
До самого конца в душе моей.

7 x

Եւ, թէ Տոյ հասն յառաջաց Կեան,
 Հասն ու հաջորդ Կեանիս էլիսը,
 Եւ ինչ ^{հոգի} ~~հոգի~~ ^{հոգի} հոգիսն Կեանսն, / Կեանսն հոգիսն ու
 Կեանսն, Կեանսն ինչ ~~հոգի~~ ^{հոգի} հոգիսն Կեանսն...

Եւ, թէ Սոսոյսն Սոսոյսն ու Սոսոյսն
 Կեանսն ^{հոգի} ~~հոգի~~ ^{հոգի} հոգիսն Կեանսն, Կեանսն ու Կեանսն
 Կեանսն Սոսոյսն Սոսոյսն Կեանսն,
 ու Սոսոյսն, Կեանսն ^{հոգի} ~~հոգի~~ ^{հոգի} հոգիսն Կեանսն...

Կեանսն, Կեանսն Կեանսն Սոսոյսն
 Կեանսն ու Կեանսն Կեանսն Սոսոյսն / Կեանսն ու Կեանսն
 Կեանսն Սոսոյսն Սոսոյսն Կեանսն,
 Կեանսն ու Կեանսն Սոսոյսն Կեանսն...

Սոսոյսն Կեանսն Սոսոյսն Կեանսն.
 Սոսոյսն Կեանսն ու Սոսոյսն Կեանսն.
 Կեանսն Սոսոյսն հոգիսն Սոսոյսն Կեանսն,
 Սոսոյսն Սոսոյսն Կեանսն ու Կեանսն Կեանսն...

11/11 93թ
 Կեանսն Սոսոյսն

Կեանսն Կեանսն
 Կեանսն Կեանսն, Կեանսն Կեանսն
 Կեանսն ու Կեանսն Կեանսն
 Կեանսն, Կեանսն ու
 Կեանսն Կեանսն Կեանսն.
 Սոսոյսն Կեանսն ու Սոսոյսն Կեանսն.
 Կեանսն Սոսոյսն Սոսոյսն Կեանսն,
 Սոսոյսն Սոսոյսն ու Կեանսն Կեանսն...

Сильва Капутикян. Автограф стихотворения "Опять сыновьям".

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

Тот памятник стоит над Пловдивом седым,
Овеянный весной и ливнями омытый.
Он в городе чужом давно уж стал своим -
Молоденький солдат с улыбкою открытой.

Что знают про него?.. Я вглядываюсь в тьму:
Алешей наречен - он вновь перед глазами.
Жива ли мать его? Кто имя дал ему?
Откуда он пришел? Из Курска? Из Рязани?

Он матери своей является ль во сне,
Смягчающий сердца улыбкой, полной света?..
Но что мне до него, но что за дело мне
До этого всего - и до улыбки этой?

Какое дело мне, что в Пловдиве зима,
Что в Пловдиве туман, немыслимый, нелепый...
И все искажено - и лица и дома,
Сплошная пелена, и люди будто слепы.

И будто во хмелю, не помня о былом,
Историю забыв, не помня Плевну, Шипку,
В беспамятстве своем схватив топор и лом,
Торопятся разбить Алешину улыбку.

Какое дело мне, какое дело мне,
Что обречен на слом тот памятник солдату,
Когда моя земля изранена, в огне,
В опасности мой дом - сейчас, а не когда-то.

Когда, как в черном сне, во мраке, наугад
Пытаюсь отыскать тропу в густом тумане, -
И видится мне вдруг, что поднял автомат
Молоденький солдат - из Курска ль, из Рязани...

Так почему же я сегодня, как вчера,
Все думаю тайком о памятнике этом?
О том печалюсь я, что искорка добра
Погаснет вдруг - и вмиг мир оскудеет светом.

Да, потому меня не покидает грусть
По искорке добра, что, вспыхнув, отлетела.
Какой-то малый луч исчез... Ну что ж, - и пусть!
В конце-концов, а мне, а мне-то что за дело!..

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Снова ночь. Фонари за окошком моим
зажелтели.
Свет гашу - меж дремотой и явью стираю
границы.
Погружаюсь в блаженство удобной
и теплой постели, -
Мне не спится, не спится.

...Там зима непохожа на зиму. Там небо -
не небо.
Там беда, что еще не имеет названия, таится.
Там не жизнь - полужизнь: ни огня,
ни воды и ни хлеба, -
Мне не спится, не спится.

У младенца продрогшие ножки в пеленках
намокших,
Как согреть их? Не знаю... Вокруг -
изможденные лица.
Сколько их в эту ночь - обессиленных
и занемогших!
Мне не спится, не спится.

Угасающий старец чуть дышит
в преддверье исхода,
Врач плетется пешком - тщетно силится
поторопиться.
Гаснет капля свечи, задохнувшейся
без кислорода, -
Мне не спится, не спится.

Дым и пепел в горах. Сколько пролито
крови безвинной!
И в смертельных сражениях долго ли ей
еще литься?
Кто сегодня остался без мужа, без брата,
без сына?..
Мне не спится, не спится.

Пред глазами моими снега, словно саван,
белеют:
Что-то невозместимое гибнет и не возродится...
Мир уснувший безмолвен... Быть может,
он тоже болеет?
Мне не спится...

МОИМ ВНУЧКАМ

Вдали от вас я так по вас тоскую,
Нам поиграть бы, посмеяться всласть!
В опасных играх жизни я рискую
Утратить веру, в безнадежность впасть.

Не вижу вас, не слышу вас подолгу, -
Ведь суждено мне до исхода дней
Нести свой крест мучительного долга
Перед народом и землей моей.

Склоняюсь перед горькою судьбой,
К которой мой приговорен народ.
Долг перед ним всю жизнь несу с собою -
И крест все тяжелей из года в год.

Мечтала тщетно я унять тревогу,
Хотя бы на день обрести покой,
Чтоб с вами посмеяться хоть немного
И поиграть, став бабушкой такой,

Какой ей быть положено от века...
Но день блаженный обошел наш дом.
Да и придет ли? Нет пока ответа...
А вы и знать не знаете о том,

Что на своих дорогах бесконечных,
И в комнате своей уединясь,
Я слышала всегда ваш смех беспечный -
Незримая не прерывалась связь.

Дрожала я над каждым шагом вашим,
Молясь, чтоб вам жилось не так, как мне,
Чтоб вы смеясь по жизни шли, - пусть даже
От всех моих волнений в стороне.

Пусть мне ни понимания, ни участия
Найти в сердцах у вас не суждено...
Не ждать и не надеяться на счастье
Бог научил меня давным-давно.

БОЛЬ МОНАСТЫРЯ ГАНДЗАСАР

Реквием

Залиты кровью долины, ущелья и склоны,
Взяты под стражу дороги и заперты двери.
Слышу, сыны мои, ваши предсмертные стоны...
Как матерей ваших жаль! Чем их муку измерю?

Ваши могучие предки, взяв на плечи глыбы,
Храм сотворили святой на вершине безгрешной.
Свету молились они семь столетий - могли бы
Солнце зажечь! - да во мгле пребывали
кромешной...

Я семь столетий стоял против злобы, - и к Богу
Слово свое возносил... И увидел воочью:
Мир стал бессовестней, враг беспощадней
намного,
Ложь и коварство все новые беды пророчат.

Если, не дрогнув, явившись путем некольным,
В крест на груди вашей целится отрок
крещеный...
К Богу какому взывать голосам колокольным?
Внемлет ли кто-то мольбе, к небесам
обращенной?

Окаменев над могилами вашими снова
К вам припаду в целованье последнем губами.
Вам принесу своей боли последнее слово:
Каюсь я, в слабости каюсь своей перед вами.

Жажду, неспящие матери, спящие дети,
Ладан последний возжечь, принести покаянье:
Вы сохранили меня для грядущих столетий -
Вас сохранить оказался я не в состоянье.

Դիմումն Աղանձի թանգարանին:

Ավագ, հասակ ծախ, որ ես աղբարեակ մեկ
Հշտեմ արդե՞հ, ցուցե՛ շնչահեղուք՝
Օ, Աղանձ, եթ ցար, եթ ցար անքա՛նք քե միջ,
Կրար ծանկուն շրա՞ն, խորթ ծառ ցար:

Բայ՛ չե՞ս զգում միտե, ո՞ւմ սերմից է սերուն
Վանկազնապից ծանոթ է իմ բուսակեր,
Քիչ շնչեկ աշխից ում աշտերն ե՛լ շայուն,
Ի՞նչ կի՛ն հայրերից է վարժե՛կ եր անելի:

Օ, ցանավոր արցար, միտ ցա չե՞ս ցեւուն
Քե թնդդե՛ս է հպել շա ծառ հրմո՛հից.
Քե թնդդե՛ս է շրա հմուտ երկրե՛կ հունում,
Երբ արհամ ե՛լ ուժով հայրերի՛ց:

Մի՛թե ցա չե՞ս ցեւուն, միտ ցա չե՞ս լամ
Գունջաւորի անցերն անհշտայ՛ց?
Թնդդե՛ս անե՛լ փայլե՛կ հայրերն ե՛լ խաւում
Խաւդար, զե՛կեր, վա՛խեր հիւսիսարձա՛ն:

Մի՛թե ցա չե՞ս անքաւմ ծանապարհ ջեւո՛հի,
Երբ ցեւունն ք քա՛ն հայաւուն, ք
հաւար-հաւարի ցե՛կ, հա՛յն հերաներ առա՛խ
Մանկունմ ե՛լ աշտից ու չե՛լ խնուն:

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛОМОНУ МУДРОМУ

Тяжелый час пришел - на муках, на крови.
Вот-вот я закричу - куда теперь мне деться? -
Царь Соломон, молю, свой меч останови,
Той женщине отдай ты моего младенца...

Но неужели ты не видишь в этот час,
Как он с Ваагном схож, малыш огневолосый?
Печальный взор его миндалевидных глаз
О прадедах его снимает все вопросы.

О, праведный судья, ужель не видишь сам,
Как неотрывно он приник к груди родимой?
Ужель не слышишь крик, что рвется к небесам?
Отчизна от него, как мать, неотторжима.

Ужель не слышишь ты, как день и ночь подряд
К беде колокола гудят над Гандзасаром?
Как по-армянски храм и камни говорят,
И вторят им вокруг колонны и хачкары?

Ужель не дрогнул ты, о мудрый властелин,
При виде юношей, что к гибели готовы?
Герой из эпоса, где против ста - один:
Он гибнет сотни раз - и воскресает снова.

Под пулями стоят невеста и вдова,
Жена и мать - сто лет или четыре года...
В отчаяньи кричит душа, едва жива,
В трагическом, слепом предчувствии исхода:

Придумай что-нибудь, мудрец, чтоб уберечь
Дитя - и снять с души гнет нестерпимой
муки, -
Чтоб мне не закричать: "Останови свой меч..."
И кровное дитя не дать в чужие руки.

СТИХИ БЕЗ ВЫДУМКИ

...Так вышло, что, как прежде, на рынок забрела,
Взглянула, ахнув, - и не миг дар речи обрела:

Осенний праздничный базар, и гул, и кутерьма,
Горами высятся вокруг и персик, и хурма.

Смотрю, мне машет продавец, и слышу я
сквозь шум:
- Вот дыни сладкие, как мед, - бери скорей,
ханум!...

- Да, дыни сладкие у вас, но горькие дела...
Что скажешь ты про Карабах, где взрывы, кровь,
зола?

Не странно ли считать, что все
принадлежит здесь вам -
Селенья, крепость, письма, хачкар
и Божий храм...

Все это слушать невтерпеж, здесь правды -
ни на грош,
Но знай, наш Бог и ваш Аллах
не принимают ложь!

УЕЗЖАЮЩИМ

Уезжаете? Что ж, уезжайте, желаю удачи!
Что скажу вам еще я?.. Пусть жизнь ваша
будет светла.
Только вспыхнуло слово родное -
и искрой горячей
На дорогу упало и тут же сгорело до тла.
И в ущелье веселый ручей обмелел отчего-то,
И, боюсь, скоро высохнет, вовсе иссякнув, ручей...
И вздыхали какие-то двери от тяжелой заботы
И венчали печаль свою звоном
прощальным ключей.

Уезжаете? Что ж, отправляйтесь, желаю успеха...
Только знайте, что полузаброшенный домик
в Гюмри
Так скучает по добрым рукам
и по детскому смеху,
Что замкнулся в себе и молчит от зари до зари.
На погосте в селе Гехасар стало тесно могилам:
Слишком мало рождений - увы, слишком много
смертей...
И по улочкам бегают дети - пустым и унылым,
Ах, какие же грустные игры теперь у детей!..

Уезжаете? Что ж, не осмелюсь сказать
“до свиданья”...

Что тут скажешь - лишь Богу известно,
увидимся ль мы...

Только вот, говорят, журавли прилетят
с опозданием,

И зима будет много морозней обычной зимы.
Замерзающий воин надеждою жив, что на смену
Кто-то все же сумеет явиться в назначенный час.
И усталому мастеру кажется, что несомненно,
Непременно на помощь торопится кто-то из вас.

Уезжаете? Что ж!.. И да будет вам легкой дорога!
Только рухнула чья-то мечта и воскреснет едва ль.
Только грустная мать одиноко сидит у порога,
Безнадежно и молча всмотреться пытается вдаль.
Уезжаете? Что ж, я об этом жалею, не скрою.
Вам желаю добра - да минуют вас зло и обман.
...Забелел пароход, забелел над высокой волною...
Приближается?.. Нет, погружается в серый туман.

РОДИНЕ

Все я Бога гневлю, все я жалуюсь, меры не зная,
Собираясь оставить тебя и уйти навсегда.

В одночасье умру, или запросто пуля шальная
Вдруг настигнет меня, унесет, не оставив следа.

Нет, все это неправда! Уйти, умереть не хочу я!
Я весны твоей жду, что нахлынет, ручьями звеня
И зеленою лаской своей твои раны врачую,
Посиневшая в стуже, моя дорогая земля.

Для меня ты извечно - зеленой листвы полыханье,
Для меня ты - невинный младенец, кровинка,
дителя...

Не успела, как мать, к твоему припадая дыханью,
Надышаться тобой, в безвоздушном
пространстве летя.

Письменами твоими насытиться я не успела,
Пред хачкаром склониться и вдруг
на колени упасть.

В темных сводах Гегарда божественных
гимнов не спела,
На священный Масис не смогла наглядеться
я всласть.

Я еще не успела свободой твоей насладиться
И размахом пока еще сложенных крыльев твоих.
Но свободе твоей предстоит еще освободиться
От бесчисленных пут и оков и веревок тугих.

Я еще не устала любить тебя горько и верно,
Не устала от боли твоей, что суровой судьбой
Мне дана, - не устала еще от тревоги безмерной
И от жребия жить, умереть и воскреснуть
с тобой -

И я верить в тебя, и я верить в тебя не устала...

դեռ չեմ հասցնել թե՛ շաղկույ,
քո հրաշք լեռն?, ցուշիք, ցրթն,
գեղարդեղ վրա ցուցաբերույ,
ծառնի եղնույ քո խաղալով:

դեռ չեմ հասցրել թերթիկ շերտաւոր
քո արարածութեամբ՝ ^{շփույթեցնող:} ~~դեռ հիւսկանք:~~
քո անշուքութեամբ, ⁴ անգ, խախտեց,
~~հախալուծ քեզէն~~ ^{հալած} ~~հալած~~ ^{հալած} ~~հալած~~
նրբեցնող, այլեւ վախով լցնող:

եւ դեռ չեմ հաշնել թե՛ սիրելույ,
քո ցւումը ցււրի, խիւրի, խառնիւրդ.
քո ցւումը ցաւով, անեղ թախտիւ,
թե՛ կեց խառնույ աւ արարելույ:

Եւ դեռ չեմ հաշնել հււ-ը-ւույ...

—

4/11 92թ.

պերեպոլիս

ЭЛЕГИЯ, НАПИСАННАЯ В ЕРЕВАНЕ

Не мой это город, не мой - без тепла и без света...
Куда же меня занесло? Где находимся мы?
Какой-то неведомый остров, чужая планета,
А может - пещера, что сложена прочно из тьмы?

Да где ж это я? Незнакомые бледные тени,
Внезапно возникнув, блуждают, как призраки, здесь.
Лишенное тайнства горькое поминовение:
Зажженных свечей - но не в храме, а в доме -
не счесть.

И город, и голод, и холод, - рифмуясь, налажен
Союз их, - змеились вокруг обессиленных тел.
Сжималась душа, и садилась на помыслы сажа,
И чрево алкало... повсюду царил беспредел.

Не мой это город, не мой это город! Он странен,
Чужое дыханье, шаги, ни тепла, ни огня...
Изгнаннице в доме родном, - как бы мне в Ереване
Опять оказаться... Верните в мой город меня...

18 февраля 1994 г. Ереван.

ВЕКОВАЯ ПЕЧАЛЬ

Во сне я увидела Ван. Все до боли знакомо:
Вот наш Хачпокан и калитка родимого дома.
И в белом саду что-то шепчут друг другу на ушко
Три тоненьких девочки - сверстницы,
сестры, подружки.
Смотрю я на них на пороге родного жилья
И вдруг узнаю: это бабушка, мама и я.

Гостиная в доме... Ковры и тахты, и диваны.
Брат, свекор, свекровь: я смотрю, как они
беспрестанно
Выходят и входят... Три люльки качаются мерно,
В них три малыша... Три невестки
с усердьем примерным
Хлопочут над ними, тревоги своей не тая...
Я их узнаю: это бабушка, мама и я.

Сумятица, хаос, побоище... В Ване - пожары,
Война в Айгестане, звучат боевые фанфары,
Три женщины носят мужчинам воюющим пищу,
Три женщины еле бредут среди беженцев... Ищут
Пропавших, отставших - в отчаянье, слез не тая...
Опять угадали: то бабушка, мама и я.

Двор беженцев полный... Наш дом
на Назаровской ветхий...

А после - над новым жилищем - цветущие ветки,

И новая мебель, и утварь, и дети, и внуки...

И смотрят с балкона три женщины -

с болью разлуки

Не в силах смириться, надежду на встречу тая

С землей своих предков: то бабушка, мама и я.

А годы сменяют друг друга, желанны, постылы...

И вижу во сне я - на Норкском холме три могилы.

Три бедных души успокоились здесь на вершине

С судьбой и мечтой одинаковой - вместе отныне,

С землей расставались в горчайшей тоске бытия

Навеки ровесницы: бабушка, мама и я.

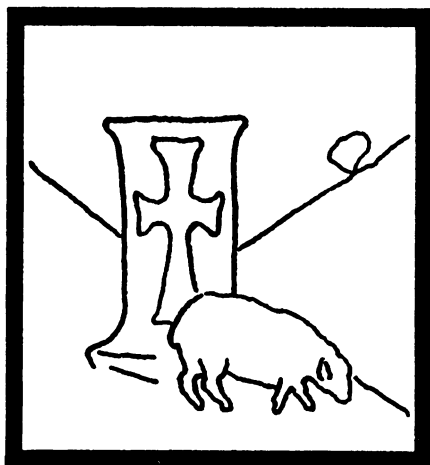
КАМЕШКИ

Словно мальчик из сказки, что мачехи козни
Разгадав, горстку камешков взял про запас
И кидал их - и из лесу ночью беззвездной
Выйти смог, да и братьев от гибели спас, -

Так и я оставляла на трудной дороге
Свои песни в дремучей лесной темноте...
Я роняла, как белые камешки, строки
На тропинке, ведущей к последней черте...

И когда, уподобившись мачехе злобной,
Смерть захочет, чтоб сгинула я без следа,
Я по камешкам-песням, тем братьям подобно,
Возвращусь и останусь средь вас навсегда.

ПОЭМА

ДИАЛОГ
МЕЖДУ МНОЙ
И МНОЙ

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Жестокий выбор - роковой и грозный -

Пал на меня:

Бог указал перстом, провозгласив:

“Ты - Новый Иисус,

Хоть и родился раньше Иисуса...”

Жестокий выбор - роковой и грозный -

Пал на меня.

Бог обязал меня

Страданиями, стенаниями моими

Все прегрешенья мира искупить -

Устами сына моего Нарека¹

Молить об отпущении грехов...

И допустил Господь, чтобы меня

Терзали и топтали,

И допустил Господь,

Чтоб храмы оскверняли бы мои,

Священные сжигали манускрипты,

¹ Народ так называет Григора Нарекаци.

Святыню нашу, наше упование
На всемогущество священных слов...
И допустил Господь, чтобы меня
Преследовали, гнали на Голгофу
За веком век.
И допустил Господь, чтобы меня,
Склоняющегося пред крестом,
Распяли на кресте -
И снять забыли...
Я сам сошел с креста.
Сам вырвал окровавленные гвозди
Из рук и ног.
А между тем остался под ногами
От всей земли моей лишь малый буторок,
Скала, - чтоб только устоять я мог.
А надо мною - небосвод огромный:
Чтоб уместить полет мечты бездомной...

Мои мечты!
В который раз с небес
Их сталкивают, тупо топчут орды.
О сколько раз!..
И вот сейчас, сейчас,
Вот-вот, всего мгновение -
И свод небесный рухнул,
И под развалинами все осталось...

ВТОРОЙ ГОЛОС

- О, мать Тереза, это ты?..
На этот раз
Пришло к нам сострадание из Калькутты
В твоём обличье...
Как ты постарела!
Я помню, в одеянье белом
На пожелтевших снимках мы видали
Тебя - иль не тебя? - такую юной
Сестрою Милосердия...
Склонялась - не ты, но ты! -
Над стайками детей,
Спасавшихся из Муша, из Битлиса,
И гладила их по вихрам торчащим,
И так хотела, чтоб отныне впредь
Сиротами их называть не смели,
Чтоб на земле армянской позабылось
То слово, то рыдающее слово...

О мать Тереза, посмотри окрест:
Разверзлась от Ширака до Спитака
Кора земная.
Мир содрогнулся
И сердца людские...
Чудовищная рана обнажилась
И поглотила
Чуть не половину
Всего, чем мы владели на земле,

И поглотила наших жизней тьму -
Детей, подростков,
Юных, седовласых.
О скорбь, непостижимая уму!
О мать Тереза!
Что твои сумеют сделать руки,
Иссохшие в отдаче сострадания,
Перед зияющей, разверстой раной?..

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Я должен сам сойти с креста,
Сам должен гвозди выдернуть
Из рук и ног, -
И снова на мою спуститься землю,
На этот раз
На трещину, рассекшую ее,
На трещину, потрясшую весь мир,
Я должен губы до крови кусать,
Чтоб от безмерной, нестерпимой боли
На всю вселенную не завопить,
И грудь я должен заковать в броню,
Чтоб вдруг не разорваться ей от стоны,
Ведь на моей разодранной земле
Я трещину обязан затянуть.
Лишь мне под силу землю исцелить:
Я - старый знахарь,
Снадобья творящий

Из трав, цветов, плодов моей земли.
Лишь я владею тайной врачеванья -
Я колдовством и верой предков мудрых
Свои сумею раны залечить.

ВТОРОЙ ГОЛОС

- О мать Тереза, ты на матерей,
На женщин, обезумевших от горя,
Взгляни!
Еще вчера они
Смеялись, окруженные детьми,
Взор к небу подымая благодарный.
Но сегодня -
Они уже не смотрят в небеса.
Вот уж который день
Погасших глаз, запорошенных пылью,
Они не отрывают от земли:
Жизнь матери - ее ребенок -
Остался под землей...
А этот девятиэтажный дом,
Что домом был - и бабушкой, и внуком,
Соседским шумом,
Ссорой со свекровью,
Присел на месте вдруг - и онемел, -
Как будто бы от ужаса и страха
Вдруг ноги подкосились у него.

Трепещет сиротливо на веревках,
Старательно привязанных к перилам,
Трепещет, словно голубь белокрылый,
Давно уж пересохшее белье...

И мальчик, чью расстроенную мать
Учительница в школу вызывала
Из-за какой-то шалости вчера, -
Как мечется! - он с самого утра
Сегодня от развалин до развалин
Все мечется и громко мать зовет,
Зовет отца и брата и сестренку...
О мать Тереза, помоги, наставь, -
Что дать ему? И как остановить,
Как увести, кого позвать на помощь?..

А сегодня в полночь
Той девочке, что бегала вчера,
Отняли ногу по колено...
Искусственная ей нужна нога.
Искусственные ноги, руки, ребра,
Искусственная жизнь, чтоб жизнь продлилась...
Как, мать Тереза, заглушить и чем
Стук тех шагов, бессонных, деревянных,
Что на земле армянской и в сердцах
В веках грядущих будут раздаваться?..

А маленькие села! А деревни,
Забытые в тени беды огромной,
Что рухнули в себя,
Погребены в себе самих,
Смешавшись со снегами.
И на полях,
В дремоте тосковавших по весне,
Не борозды - могильные холмы
Рядами высятся.
А под холмами...
О мать Тереза! Как начать нам сев?
Скажи, как жить начать нам, мать Тереза?!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Я должен сам сойти с креста,
Сам должен гвозди выдернуть из рук и ног, -
И снова на свою спуститься землю,
На этот раз -
Замкнув глаза и уши,
Забыв на миг о настоящем, -
Из многотомной памяти своей
Извлечь легенды, мифы и виденья
Для некоего самоутешенья -
Чтобы хотя бы устоять...

Но почему не слышу я вопроса,
Как это получилось,
Что Творец,
Оставив в стороне пустыни
Безлюдные, заброшенные всеми,
Обрушил Божий гнев свой
На щепотку
Земли вот этой -
Бесценной, как единственный ребенок...
Кто знает, может, именно затем,
Чтоб снова подтвердить свой грозный выбор,
Свой приговор жестокий, роковой, -
Напомнить, что я - Новый Иисус,
Хоть и родился раньше Иисуса.
И мне дано
Страданиями своими
Все прегрешенья мира искупить
И первым испытать - и в полной мере -
Все бедствия, что нам грозят в грядущем,
И этим, может, их предотвратить...

Я опытное поле испокон,
Чтоб подтвердить пред Богом и людьми
Всю силу человеческого духа,
И камни все мои - мужской породы,
Им ведомо, как отвести грозу
И обезвредить молнию...

Так знайте,
Я не увечный, не калека я,
И жалость неуместна и некстати.
Нет, я - избранник, я отмечен Богом,
Венец терновый над моим челом...

ВТОРОЙ ГОЛОС

- О мать Тереза,
Знай, голове, что поседела за день,
Не мученика надобен венец,
А перевязка,
Теплых рук касанье,
Душа, что боль способна остудить.
Ведь в нас - не только это
В десять баллов
Землетрясение...
Нет, в наших душах
Руины десяти землетрясений...
Под этими развалинами - стоны,
Не только те, что все еще слышны,
А стоны всех семи тысячелетий,
Боренье, жар семи десятков лет,
Семи последних месяцев тревога...
В открывшуюся рану, мать Тереза,
Вглядишься - в ней столько и слоев и складок,
И в наших душах ими заключен

Трагический союз -
И нас они терзают в равной мере...

Всего лишь семь десятков лет назад,
Едва глаза с трудом раскрыли мы
Среди смертей и крови
В агонии Пятнадцатого года,
Очнувшись от кошмара,
Пытались вновь надеяться и видеть,
И вот тогда опять от моря
Несбывшихся надежд,
Усохшего до капли,
От сиротской доли
Земли многострадальной
Отрезали ломоть...
Да, семь десятков лет разлучены
Как с сыном мать -
Армения с Арцахом,
Армения с Нагорным Карабахом,
Как сквозь решетку смотрят друг на друга,
В темнице - сын, а мать у стен ее:
И даже не разрешено свиданье...
В комок мы были сжаты до поры,
Пока дыханье теплого течения
Не ощутили вдруг...
И мы поверили, что пробил час
Добра и справедливости... И зов
Арцаха будет наконец услышан,

Поверили тому, что под ногами
Уже надежна и прочна земля.
Как в эпосе народном о Давиде, -
И малое пшеничное зерно
С орех величиною стало вдруг,
И заточенный в наших душах узник
Мгер Младший выйдет из уединенья,
В победу справедливости поверив...
Увы, земля еще шаталась под ногами,
И было с коноплю - пшеничное зерно.
И вот земля разверзлась перед нами
Давно, задолго до землетрясения,
И - вдруг открылась бездна...

В глубь бездны, если можешь, мать Тереза,
Ты взгляни,
В глубь этой преисподней,
Название которой - Сумгаит:
Исчадья - тени дантовского ада,
Как будто с книжных сорвались страниц
Те призраки, погрязшие в грехах,
Плоть обрели
Сейчас, в конце двадцатого столетия -
Нет, не в котлах с кипящею смолой -
Сжигают в пламени автопокрышек.
И на костре - не грешный кардинал:
Усталый армянин, что шел с работы.

У матери несчастной на глазах
Дочь волокут насильники лихие...
И надругаться над женой спешат
У тела изувеченного мужа.
А после гонят с воплями нагую
От чайханы к мечети
И назад -
Под свист и улюлюканье толпы...

Довольно, мать Тереза! Поощадем
Друг друга, и пощады ради - вспомним
Мы искры безоглядного добра
На дне той бездны...
Вспомним, мать Тереза,
Мы женщину по имени Ханум
С фамилией, где Исмаила имя, -
Из дома номер пять
По третьему кварталу Сумгаита...
Приветлива, красива, молода,
Она была приманкою для сплетен...
Когда всю бесчинствовали толпы
И свирепела бойня и в дома
Врывалась, -
На четвертом этаже
Ханум спасала в комнате своей
От смерти неминуемой соседей -
Тринадцать человек:
Детей и женщин, стариков, подростков.

Учуяв дух армян, головорезы, -
Зверье, с глазами кровью налитыми, -
Взломали дверь и в комнату вломились.
Дрожащая от ужаса Ханум
Собою сброду преградила путь.
И тут же
Острым лезвием она
Вдруг полоснула по своей ноге
И закричала гневно, себя не помня:
“Вы хотите крови?!”
Вот вам кровь моя!
Хотите убивать? Меня убейте!..”

Чтобы суметь жить дальше, мать Тереза,
Вовеки не забудем
Ту женщину, достойную хвалы,
Что вышла как бы из легенды народной
И просто оставалась человеком,
Исполнена стремлений благородных,
В то время, когда многие мужчины,
Вооруженные пером,
Нет, не нашли ни капельки чернил,
Ни капли слова,
Чтоб стыд с лица стереть...
И все ж - прикроем,
Прикроем бездну до поры, пока
Мир не прозреет и не ужаснется

И не предаст всех нелюдей суду
За эти злодеяния,
Которым
Не будет срока давности вовек...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Я должен сам сойти с креста.
Сам должен окровавленные гвозди
Выдернуть из рук и ног
И снова на свою спуститься землю,
Чтобы на этот раз произнести
Неистовое, яростное слово...

Вы, орды, опьяневшие от крови,
Не хватит ли вам кровь мою пускать?..
Ее и так уже осталось мало.
Не хватит ли глумиться
И предавать святыни поруганью?
Иль, зудом одержимые, - опутать
Отравленными рветесь сорняками
Вы древо плодоносное мое,
Чтоб с ветками моими
Тянуться ввысь, - и именем моим,
Мной - ваше появление прославить,
Бесстыжее вторжение в историю...
Заманчива ты,
Слава Герострата!..

Я - Гандзасар, храм Гандзасара я,
И каждая стена от основанья
До купола, до неба самого -
Пергамента окаменевший лист:
За буквой буква -
Армянскими покрыта письменами.
Для новых надписей там места нет,
Зря не пытайтесь!
Не помогут вам
Ни заговоры или оговоры,
Ни приговоры лжеученых!
Я - истина! Свидетели тому
Минувшие века, тысячелетья.
Я - каменный маяк земли Арцах,
Я к миру обращен,
И на грабаре
Зовут-гудят мои колокола,
И их никто умолкнуть не заставит,
И задушить никто не сможет их.

ВТОРОЙ ГОЛОС

- Мы задыхаемся, о мать Тереза,
И нервы не выдерживают больше
Нечеловеческого напряжения:
К гробам, большим и маленьким,

Что наспех
Сумели сколотить,
Прибавились и бронетранспортеры,
И танки...

Вот - по улицам ползут
Они, подобно позвонкам зеленым,
Друг друга настигающим,
Потом - сливаясь - превращаются в змею...
И мнится нам, вот-вот сейчас она
Нас обовьет и кольцами своими
Сожмет, да так сожмет - чтобы ни звука
Мы не могли издать.

Чтоб слово
Свободное, на свет не появившись,
В гортани задохнулось...
И нет им дела,
Что, скапливаясь в душах день за днем,
Бугрятся трупы слов,
Задушенных и непроизнесенных,
И множатся тлетворные микробы
Бессильной злобы и слепой вражды...

Скажи мне, мать Тереза, почему
Пришли русоволосые солдаты,
Безусые пока, совсем юнцы,
Усталые, едва простившись с домом,
Зачем они пришли сюда,
В пустынность наших городов,

В недоуменье молчаливых взглядов?
Мы так давно, мы их веками ждали,
Встречали прадеды их хлебом-солью,
И девушки еще совсем недавно,
Пока еще не встало между нами
Кровопролитье в аэропорту,
Цветы дарили им...
Так почему же, мать Тереза,
Кто руку приложил, чтоб между нами
Ползла змея,
Гремя стальными позвонками,
Чтоб так сгустилась отчужденно тьма?..
Кто виноват, что наши парни
При виде своего застреленного друга,
При виде окровавленных дубинок
Черту переступили,
Как смертники, безумно, безрассудно
Запустили камни
В ровесников своих, солдат безусых,
Из деревень убогих приведенных
И брошенных случайно иль нарочно
В водоворот событий этих горьких...

Ах, наши парни, младшие сыны
(Нет, ни один не ставший Мгером Младшим!) -
Бесхитростны, доверчивы, наивны,
С Арцахом на устах и жаждой правды
Они вперед рванулись в нетерпенье,

И с февраля до декабря
Их вскинутые руки парили в воздухе,
И постепенно под потоком лжи,
Под ливнем лжи,
Сжимались руки их, и превратилось
Победное двуперстие - в кулак...

И юноши, уверенные в том,
Что можно лбом пробить броню стальную,
Подкошены и сломлены теперь,
Одни - в тюрьме,
А у других - тюрьма в самих себе,
А у кого-то - глаза погасли и порыв исчез,
А кто-то, одержимый зовом мести,
Об стену бьется в ярости и гнев...
И все мы, все мы в чем-то так похожи -
Великой веры мы лишились вдруг...
И вот, над нашей детскостью глумясь,
Нас тянет в западню свою злой дух,
Толкает на поджоги, на убийство,
Толкает нас на самоискажение
Обличия, нам данного Творцом.

О помощи, мы терпим поражение,
Оплакивай, о мать Тереза, нас...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Я должен сам сойти с креста,
Сам должен окровавленные гвозди
Я выдернуть из рук и ног своих
И снова на свою спуститься землю,
На этот раз, на этот раз трубя,
Трубя в трубу надежды, отрезвленья...
Кто говорит, что свет моей любви
Стал едкой желчью ненависти желтой
И верованьем сделалось убийство?..
Нет, это только миг -
От ярости, что в сердце накопилась,
Слепая пыль, осевшая на груди
Развалин,
Это лишь короткий крик
От боли нестерпимой,
Туман, заставший взоры, -
Рассеется, рассеется он - верю.

Ведь на черном пепле
Желтого Тер-Зора
Жизнь обрело, зареяло, зарделось
Рожденное от радости, от роз,
От радуги и от раската грома
Сарьяновское чудо!

Загремела
Торжественно, как гонг, по всей планете,
Как рокот пробужденья, разнеслась
По свету музыка Хачатуряна,
Чей танец с саблями победно
Вознесся над зловещим лязгом сабель.

А тот февраль великий, что вошел
В историю под кодом “88”, -
Собравший ополчение в сотни тысяч,
Как новый Аварайр, что призван был
Спасти от наступающих слонов,
Готовых растоптать не только землю,
Но вопль моей израненной души -
Мое самостояние и веру!

И я восстал - единодушно, слитно,
Всем миром, от Армении до спюрка,
И площадь Театральная вдруг стала
Как будто “Храмом Голубя”, который
Вбирал армян без счета и числа
И выпускал их снова на просторы,
Их окрыляя, обращая в дух...
И мир увидел все и осознал:
Что нет мне ни конца и ни начала,
Я гибну - и рождаюсь каждый миг,
И невозможно умертвить меня,
Что я - превыше тела,
Я - душа,

Дыхание, горение...
Понял мир,
Что наделен я высочайшим даром -
Свет увидеть в ночи
Да и воспеть
Лампаду Просветителя Григора...
Лампада эта высится над всем
И выше Арагаца - к небесам
Подвешена она, и без веревок...
Она не гаснет... В ней горит не масло,
А вера в ней горит и - высший дух...
Горит она и в бурю, на ветру,
Горит и в ураган, и в суховеи...
Лампаду эту вижу отовсюду
Я - армянин, молитву возносящий
Ее святой непостижимой тайне.
Она мне указывает, как мне жить,
Мне открывает смысл существования:
Мрак светом победить - творить извечно свет!

ВТОРОЙ ГОЛОС

- Послушай, мать Тереза, вон того
Едва ль десятилетнего ребенка
С лицом в глубоких шрамах и рубцах...
Три дня, три ночи этот бедный мальчик
Из-под развалин рухнувшего дома
Пытался выбраться.

И вот сейчас
В больнице он читает вслух стихи,
Читает об Арцахе, о погромах,
Топча друг друга, с губ его спешат,
Срываются в неистовстве слова,
Горящие проклятиями и гневом,
И маленькое нервное лицо
Еще сильнее судорога сводит...
Послушай, мать Тереза, помоги, -
Чтоб этот мальчик, этот бедный мальчик,
В себя впитавший ужас подземелья,
Вновь стал ребенком, -
Выбравшись из тьмы
Своей недетской ненависти черной, -
Чтоб снова стал улыбчивым ребенком...

Ты помоги, наставь нас, мать Тереза,
Нас научи, как выбраться из тьмы,
Что рухнула на нас,
Как обрести
Вновь свет души, прийти опять к началу?..
Ты ненависти вытащи занозу
Отравленную -
И наполни нас
Неиссякаемой любовью глаз
Своих, сухих и выплаканных, чтобы
След от занозы затянуться смог...

Своею богоданной добротою
Нас одели,
Запасами прощенья
Нам крохотные крестики раздай
И научи молиться и прощать,
Молиться, и надеяться, и верить...

И слышать научи нас, мать Тереза,
Небесный глас,
Земной язык любви,
Чтоб умиротворить души смятенье,
Мы так истосковались, мать Тереза,
По звону мирному колоколов,
Мы так истосковались по доверью...
Нам руки помощи со всех концов
Планеты нашей
Люди протянули.
Дай силы нам с любовью их пожать,
Дай силы нам сказать им всем: “Спасибо!..”

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Я должен сам сойти с креста,
Сам должен гвозди выдернуть
Из рук и ног
И снова на свою спуститься землю...
На этот раз -
Чтоб обратиться к миру

И к человеку:
Люди, с вами я,
Со мной - тепло и нежность ваших рук.
Помимо благодарности великой
Во мне рождается утешенья свет,
Когда над раною моей открытой
За многие столетия впервые
Касаются друг друга осторожно
Со всех сторон протянутые руки,
И белые, и черные, и желтые.
За многие столетия впервые
Сердца людские так согласно бьются,
На всех губах дрожат одновременно
Любви и милосердия слова...
И кажется мне -
Треснула не только
Кора земная в тот горчайший миг,
Но треснула и совести короста,
Корысть и черствость,
Лживости кора.
И кажется мне -
Трещины исторгли
Тоску по доброте и красоте,
Что накопилась за тысячелетья...

Я - древний,
К древнему строению причастный,
Что Вавилонской башней нарекли,

Сейчас я
Воистину горжусь,
Что на моей земле заложен камень
Незримой башни, благовест несущей
О праведном союзе планетарном,
Что люди, потерявшие друг друга
Тогда, в столпотворенье Вавилонском,
В том адовом смешенье языков
Утратившие тайну пониманья,
Должны друг друга снова обрести -
И понимать должны друг друга снова...

ВТОРОЙ ГОЛОС

- Ты много исходила, мать Тереза,
Дорог и городов и, несомненно,
Была в Сиднее,
Мы же - нет,
Мы только вести слышали оттуда
И звуки нежной скрипки, что грустила,
Как среди гор армянская свирель:
Уж сколько дней, моря пересекая,
Сквозь грохот самолетов,
Рев штормов
Она скользит, как по небу комета,
И нашего замученного слуха
Касается слегка и озаряет
Своею чистотою нашу скорбь.

Когда бы мы могли вблизи увидеть
На многолюдной улице Сиднея
Ту маленькую девочку со скрипкой, -
Вон, прижимая скрипку подбородком,
Она играет, отдыха не зная,
Своей игрою собирая деньги
Для помощи армянским детям...
Была б возможность в стороне застыть
И на нее смотреть не отрываясь,
Погладить белокурую головку
И пальчики ее поцеловать...
Была б возможность - вдруг заплакать в голос
И улыбнуться - душу облегчить...
Тебе спасибо, детка Мариэт,
И вам спасибо, люди всей земли,
Тебе спасибо, мать Тереза!..

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

- Сам должен я сойти с креста,
Сам должен гвозди выдернуть,
Из рук и ног
И снова на свою спуститься землю.
На этот раз - чтоб возвестить вам волю
Последнюю свою...

Когда-нибудь вам доводилось видеть
Такую Богоматерь?..

В каком писании Священном
И гением какого Рафаэля
Иль Леонардо изображенную?..
Пять дней она
Была заточена
В темнице меж бетонных плит,
В крошечной мгле, забитой пылью тьме
Стоит среди обломков и осколков
С младенцем на руках,
К груди прижатым...
Охвачена оцепенением страшным
Она перед бетонною панелью,
Что не спеша, но и неудержимо
Все ближе надвигается на них...
Когда же молоко в груди иссякло,
Надрезала она осколком палец
И кровью стала малышка кормить...

И - живы оба!
И на пятый день
Их вытащить сумели из развалин, -
О Творец,
Твои деянья неисповедимы...
Их вытащить сумели, и они
Живыми, невредимыми остались...
Такая ты - армянка - Богоматерь,
И я такой - из всех темниц восставший,
Воскресший и нетленный,

Такова
Моя земля...
Ошеломленный мир
Ее зовет Библейской, добавляя:
Библейским было и землетрясение...
И это слово, что приводит в трепет, -
Непостижимы тайны бытия! -
Внушает мне мистическую силу
И заставляет
Взглянуть на все вокруг со стороны,
Взглянуть по мерам и весам веков
И ощутить себя народом вечным,
Прошедшим по земле тысячелетия -
В тысячелетия идущим вновь...
И придает мне силы вновь подняться
И в небе вознести свои мечты...
И придает мне силы снова жить,
Творить и верить...
Ведь символом моим
И был, и есть, и будет Арарат,
Тот самый Арарат, что стал опорой
Для Ноева ковчега...

*1989, февраль-март
Бюракан*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валентин Оскоцкий. Свеча горела на столе...</i>	5
<i>"Надень пальто: весна твоя..." Перевела Е.Николаевская</i>	11

ВСЕ О ТЕБЕ ВЕДУ Я РЕЧЬ

<i>"Смеюсь ли, плачу - все равно..." Перевела Е.Николаевская</i>	15
<i>"Ты не потому ли так мал, Айастан..." Перевела Е.Николаевская</i>	16
<i>"К тебе с огнем являлись и с мечом..." Перевела Е.Николаевская</i>	17
<i>"Чтобы выстоять, ты письмена..." Перевела Е.Николаевская</i>	18
<i>"О душа, чтоб тебе не застыть, - по горе..."</i>	
<i>Перевела Е.Николаевская</i>	19
<i>"С высот армянских крепостей..." Перевела Е.Николаевская</i>	20
<i>"Как узнала бы я, что ты есть..." Перевела Е.Николаевская</i>	21
<i>"Одной рукой меня ласкаешь..." Перевела Е.Николаевская</i>	22
<i>"Белым камнем Арарат..." Перевела Е.Николаевская</i>	23
<i>"Персты перстнями одаряешь..." Перевела Е.Николаевская</i>	24
<i>"Жаль, я не все смогла..." Перевела Е.Николаевская</i>	25
<i>"Далеко, далеко уйти..." Перевел В.Корнилов</i>	26
<i>Из навеянного Мовсесом Хоренаци</i>	
1. <i>"Куда мне уйти, чтоб не глядеть..." Перевел В.Корнилов</i>	27
2. <i>"Стать бы волкодавом Арарата..." Перевел В.Корнилов</i>	27
3. <i>"Осквернителя и врага..." Перевел В.Корнилов</i>	28
4. <i>"И я от счастья Сатеник хотя бы треть желаю..."</i>	
<i>Перевел В.Корнилов</i>	28

“Права ль я, нет - моя беда...” Перевела Е.Николаевская	30
“Ты стисни зубы, только слез пред всеми...”	
Перевела Е.Николаевская	31
“Озаренностью святою...” Перевела Е.Николаевская	32
“Скажут: “пятнадцатый” - год...” Перевела Е.Николаевская	33
“Твой хлеб - с просвирку...” Перевела Е.Николаевская	34
“Пускай синевою фиалки горят...” Перевел В.Корнилов	35
“Чтоб ныне настоящее творить...” Перевела Е.Николаевская	36
“В душе своей, ношею долга согбенной...”	
Перевела Е.Николаевская	37
“В Армении моря не сыщешь...” Перевела Е.Николаевская	38
Памяти Уильяма Сарояна. Перевела Е.Николаевская	39
“Надеждой распахали грудь твою...” Перевела Е.Николаевская	40
“Века и мир - свидетели тому...” Перевела Е.Николаевская	41
“Ты, ветер, без разума к морю несешь...” Перевела Е.Николаевская ..	42
“Видит Бог, мне не песни отрада нужна...” Перевел В.Корнилов	43
Ночь на берегу Черного моря. Перевел В.Корнилов	44
Сон. Перевел В.Корнилов	46
Лур-да-лур. Перевел В.Корнилов	47
Последнее прощание. Перевела Е.Николаевская	49
Молодой матери. Перевел В.Корнилов	50
Памятник жертвам геноцида в Марселе. Перевел А.Налбандян	51
Келе, лао. Перевела Е.Николаевская	52
Грустная шутка. Перевел В.Корнилов	54
Наваждение. Перевел В.Корнилов	56
Увещевание. Перевел В.Корнилов	57
Дерево. Перевела Е.Николаевская	59
1965. 24 апреля. Перевела Е.Николаевская	60
Грустный вальс, написанный под грохот приемника.	
Перевела Е.Николаевская	63
Вопреки геологии. Перевел В.Корнилов	65

Итальянские зарисовки

1. Моему народу. Перевел В.Корнилов	66
2. Перед портретом Святой Марии. Перевел В.Корнилов	66
3. В Венеции. Перевел В.Корнилов	67
4. На мосту Риальто. Перевел В.Корнилов	68
“Я всемирно известным...” Перевел В.Корнилов	70
“Как будто душу придавил свинец...” Перевел В.Корнилов	71
“Нет, я не жалею, что поздно на свет родилась...”	
Перевела Е.Николаевская	74
“Вардавар в селе старинном заиграл...” Перевел В.Корнилов	75
Вы и мы. Перевела Е.Николаевская	76
Мы. Перевел А.Налбандян	79

ДАЙ ЧЕЛОВЕКОМ Я ПОБУДУ

“Ты дал мне жизнь, чтоб весела...” Перевел В.Корнилов	83
“Треснуло стекло. Чуть слышный звук...”	
Перевела Е.Николаевская	84
“Как жаль, что стала я теперь другой...” Перевела Е.Николаевская	85
“На небо взглянула - и застыла я...” Перевела Е.Николаевская	86
Настроение. Перевела Е.Николаевская	87
“Деревья, вновь вы расцвели...” Перевела Е.Николаевская	88
“Огромностью путающее море ..” Перевела Е.Николаевская	89
“Друзья потерялись один за другим...” Перевела Е.Николаевская	90
“Много ль, мало ль отдала...” Перевела Е.Николаевская	91
“Не мерить меркою своей...” Перевела Е.Николаевская	92
“Дороги ни вперед и ни назад...” Перевела Е.Николаевская	93
“Тяжко свидание, тяжело прощание...” Перевел В.Корнилов	94
“Дым не страшен... Страшись фамиама...”	
Перевела Е.Николаевская	95
“Супротив друг друга стоим...” Перевел В.Корнилов	96
“Не прославлены нисколько...” Перевел В.Корнилов	97

“Идти мы пробовали в ногу...”	Перевела Е.Николаевская	98
“Идеи чадят и дымят, но есть...”	Перевел В.Корнилов	99
“Сколько их - похожих, что кричат про смелость...”		
Перевела Е.Николаевская		100
“Умершему - хвала, почет...”	Перевела Е.Николаевская	101
“Суметь бы слиться мне с темнотой...”	Перевел В.Корнилов	102
“Если тайком навлеку беду...”	Перевел В.Корнилов	103
“Когда чей-то мальчик рыдает...”	Перевел В.Корнилов	104
“Радостно открыла я глаза...”	Перевела Е.Николаевская	105
“Не печалься, что морщинки...”	Перевел В.Корнилов	106
“Совсем истомились, устали вконец...”		
Перевела Е.Николаевская		107
Экспромт.	Перевел В.Корнилов	108
Эпиграмма.	Перевел В.Корнилов	109
“Сотвори добро и в воду брось...”	Перевел В.Корнилов	110
“Из глины людской замесил ты меня...”	Перевел В.Корнилов	111
“Еще февраль. А солнце озорно...”	Перевел А.Налбандян	112
“Ты с капелькой росы росток...”	Перевел В.Корнилов	113
Памяти матери.		
1. “Не верю...Кажется мне все...”	Перевела Е.Николаевская	114
2. “Она отца любила моего...”	Перевела Е.Николаевская	114
3. “Она была со мною дома, рядом...”		
Перевела Е.Николаевская		115
4. “Мать - не только мать, а дом...”	Перевела Е.Николаевская	115
Отцу моему.	Перевел В.Корнилов	116
Чернобыль.	Перевел В.Корнилов	117
Баллада о короле Бернадоте.	Перевел В.Корнилов	122
Исихазты.	Перевел В.Корнилов	124
Дом Пастернака в Переделкине.	Перевел В.Корнилов	125
В Нью-Йорке.	Перевел В.Корнилов	127
Поэты.	Перевел В.Корнилов	130

ТРЕВОГА. Из новых стихов.

Тревога ("Отлученный от совести мира скиталец-народ...")

Перевела Е.Николаевская	135
"Годы мчатся, свои совершая дела..." Перевела Е.Николаевская	137
Самочувствие. Перевела Е.Николаевская	138
"Приходят и уходят дни в закономерности единой..."	
Перевела Е.Николаевская	139
Степану Шаумяну. Перевела Е.Николаевская	140
Баллада о памятнике. Перевела Е.Николаевская	143
Вдали от дома. Перевела Е.Николаевская	145
Моим внукам. Перевела Е.Николаевская	147
Боль монастыря Гандзасар. Реквием. Перевела Е.Николаевская	149
Обращение к Соломону Мудрому. Перевела Е.Николаевская	153
Стихи без выдумки. Перевела Е.Николаевская	155
Уезжающим. Перевела Е.Николаевская	157
Родине. Перевела Е.Николаевская	159
Элегия, написанная в Ереване. Перевела Е.Николаевская	163
Вековая печаль. Перевела Е.Николаевская	164
Камешки. Перевела Е.Николаевская	166

ДИАЛОГ МЕЖДУ МНОЙ И МНОЙ. Поэма.

Перевела Е.Николаевская	169
-------------------------------	-----

Сильва КАПУТИКЯН

ИДЕТ ЗИМА

Редактор
С.А.Надеев

Корректор
А.А.Себелев

Оформление
К.Ш.Баласановой

Лицензия ЛР № 062139 от 26 января 1993 г.

Сдано в набор 31.03.94. Подписано в печать 08.04.94.

Формат 70х100/32

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Бумага офсетная N 1. П. л. 6.

Тираж 3000 экз. Зак. 4655

Издательство "ACADEMIA"

при содействии

фирмы "Империал"

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

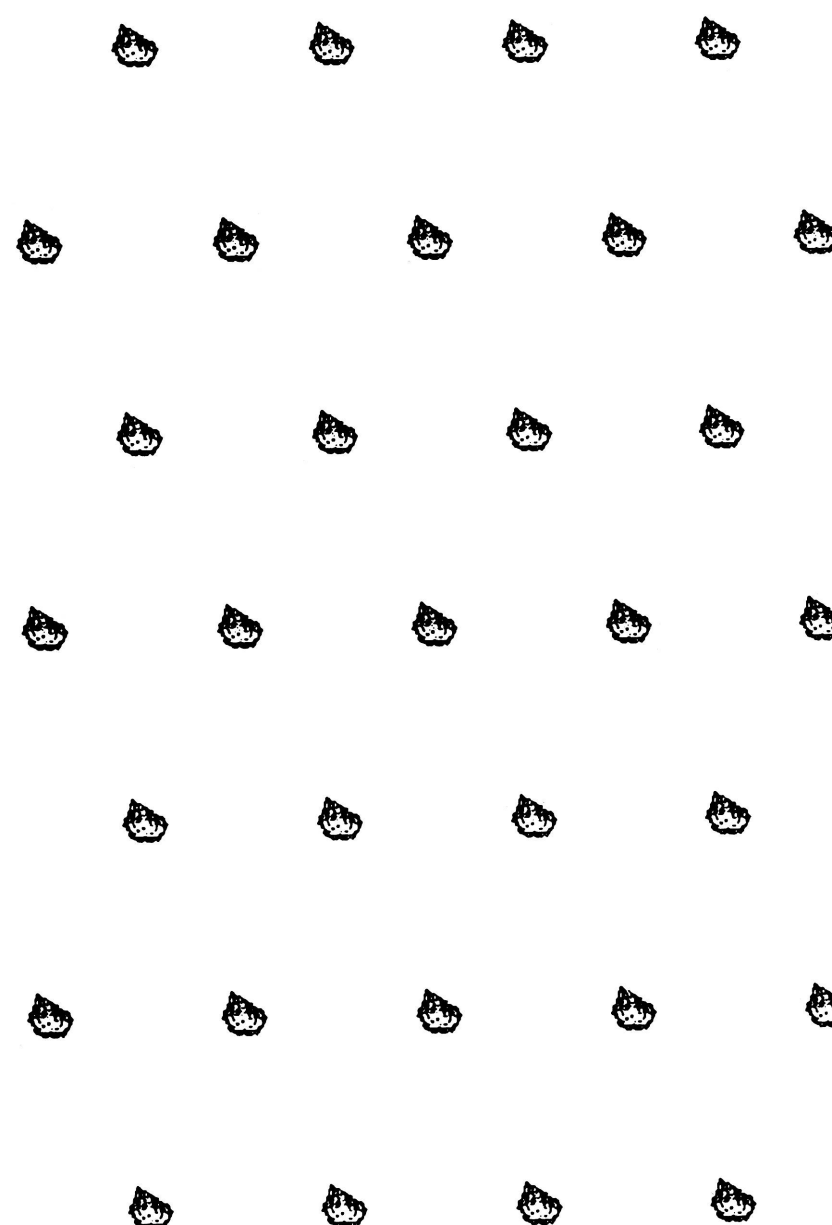
Капутикян С.Б.

**К 20 ИДЕТ ЗИМА: СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМА.
ПЕР. С АРМ. ПРЕД. В.ОСКОЦКОГО. - М.:
ACADEMIA. - 1994. - 208 С.**

ISBN 5-87532-125-3

Чуткая отзывчивость на беду и боль, душевная готовность к сопереживанию, состраданию - первооснова мировосприятия, жизнеутверждения, которые природно присущи Сильве Капутикян, органичны ее творчеству.

ББК 84 Ар7

Надень пальто: весна твоя

Прошла давно — идет зима.

Ты память затвори, как дверь,

Закрой окно — идет зима.

Нет времени, не возражай

Глупцам... Спасай свой урожай,

Иначе снегом будет все

Занесено — идет зима.

